

Лауреат премии
*Лучший
роман
года*

Сможете ли вы довериться человеку,
который вас однажды предал?

ЗАБЫТАЯ СЕСТРА,
ИЛИ ПИСЬМО НА ЧУЖОЕ ИМЯ

Диана
Чемберлен

Роман-потрясение. Д. Чемберлен и Р. Коулман

Диана Чемберлен

**Забытая сестра, или
Письмо на чужое имя**

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чемберлен Д.

Забытая сестра, или Письмо на чужое имя /
Д. Чемберлен — «Эксмо», 2014 — (Роман-потрясение. Д.
Чемберлен и Р. Коулман)

Райли Макферсон всегда думала, что ее старшая сестра Лиза покончила жизнь самоубийством, когда ей самой было два года. Однако по прошествии двадцати лет открылись неожиданные подробности: найдя в доме отца газеты с ужасными заголовками, Райли приходит к выводу, что Лиза, возможно, жива, но она... убийца? Стремясь во что бы то ни стало узнать правду, Райли начала расследование. Она надеется на поддержку горожан, которые знали и любили Лизу. Но к чему приведут поиски? И даже если Лиза жива, хочет ли она, чтобы ее тайну раскрыли?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Чемберлен Д., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Диана Чемберлен Забытая сестра, или Письмо на чужое имя

Diane Chamberlain

THE SILENT SISTER

Copyright © Diane Chamberlain, 2014

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

© Халикова Д., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Январь 1990

Александрия, штат Виргиния

На лесной тропе, бегущей вдоль реки Потомак, целый день останавливались люди. Укутанные в парки, замотанные в шерстяные шарфы, они, словно желая согреться, теснее прижимались друг к другу и, крепче стискивая кто ладошки детей в теплых варежках, кто поводки собак, всматривались в цветное пятно в сером зимнем пейзаже: посередине реки, окруженный льдом, желтел каяк. Прошлой ночью вода была беспокойной – поднимаясь вверх завитками, она боролась со снежным ветром, а когда температура упала и волны застыли, в нескольких метрах от берега, словно в западне, остался этот каяк.

Зеваки увидели его в утренних новостях, но все же им было необходимо удостовериться лично. Он знаменовал собой конец истории, не один месяц удерживавшей их в тисках любопытства. Тогда они с нетерпением ждали суда, теперь же все понимали, что суд никогда не состоится, потому что семнадцатилетняя девушка, семнадцатилетняя – как многие были уверены – убийца упокоилась под твердым покровом льда.

– Легкий же она выбрала себе путь, – говорили одни.

– Но все же умереть вот так – ужасно, – возражали другие.

Они смотрели на каменистый берег реки и думали, что, возможно, девушка положила в карманы по камню потяжелее, чтоб быстрее утонуть. Им было интересно, плакала ли она, пока гребла на каяке по воде, ведь она не могла не осознавать, что конец ее близок. В телевизоре она плакала, это все видели. Актриса, бубнил кто-то, спускаясь вниз по тропинке, – стоять на месте было слишком холодно.

Но одна женщина оставалась на краю тропы несколько часов. Зябко кутаясь в куртку и пряча руки в карманах, она всматривалась в желтое пятно на фоне серого неба и слушала оглушающий шум лопастей над головой. Журналисты с вертолета делали все новые снимки, а столпившиеся на берегу полицейские указывали то в одном, то в другом направлении. «Как же они достанут каяк из льда, – размышляла она, – и как будут искать под ним тело?»

Женщина опять взглянула на полицейских. Те стояли, положив руки на бедра, словно готовые сдать. Дело было закрыто. «Пусть бы сдались, – думала она и, плотнее запахивая куртку, с удовлетворением наблюдала, как полицейские, утратив кураж, пожимают плечами. – Пусть достанут каяк из льда и на том успокоятся».

Закованный в лед желтый каяк еще ничего не доказывает. И они дураки, если полагают иначе.

Часть первая

1

Райли

Июнь 2013

Никогда не думала, что к двадцати пяти годам потеряю почти всех своих родных.

Пока я парковалась у маленького неприметного почтового отделения в Поллоксвилле, в душе вновь ожило чувство горечи. Трехчасовая поездка от моей квартиры в Дархеме, казалось, заняла шесть часов: все это время я обдумывала дела, за которые собиралась взяться, как только окажусь в Нью-Берне, а потом в голову снова вернулись мысли об одиночестве. Но я не собиралась предаваться грусти.

Первое, что мне предстояло сделать, – это остановиться у почтового отделения, расположенного за десять миль от Нью-Берна. Теперь я с полным правом могла вычеркнуть этот пункт из своего списка.

Порывшись в сумочке, я достала белую открытку и вошла в здание, в котором, как оказалось, была единственным посетителем. Мои шаги гулко отдавались в пустом помещении. Я подошла к стойке. Работница почты, темнокожая, с аккуратными афрокосичками, напомнила мне мою подругу Шериз и этим сразу понравилась.

– Чем могу помочь? – спросила девушка.

Я протянула ей открытку.

– Меня привела в замешательство вот эта открытка, – стала я объяснять. – Дело в том, что месяц назад у меня умер отец, а до этого его почтовая корреспонденция приходила на мой адрес в Дархеме. Но тут я получила эту открытку и...

– Мы присылаем их, когда кто-то не оплатил счет за свой почтовый ящик, – пояснила девушка, взглянув на открытку. – Это предупреждение. Если не оплатить счет в течение двух месяцев, мы закроем ящик и сменим замок.

– Да, понимаю, но посмотрите. – Я перевернула открытку. – Здесь указано чужое имя. Я не знаю, кто такой Фред Маркус. Отца звали Фрэнк Макферсон, так что, по всей видимости, карточка пришла по ошибке. Я вообще сомневаюсь, что у отца был почтовый ящик. Тем более в Поллоксвилле, в то время как он живет... то есть жил... в Нью-Берне.

И когда я только привыкну говорить об отце в прошедшем времени?

– Давайте, я проверю. – Работница ушла и вернулась через несколько секунд с тонким фиолетовым конвертом и белой карточкой для документации. – Это единственное, что обнаружилось в ящике, – сказала она, протягивая мне конверт. – Адресовано Фреду Маркусу. Я проверила наши записи, и там значится, что ящик записан на человека, проживающего вот по этому адресу. – Она показала мне карточку.

Почерк, каким была сделана запись, и в самом деле напоминал почерк отца, но вряд ли он был уникальным. Кроме того, имя-то было чужое.

– Адрес правильный, но, наверное, этот человек просто что-то перепутал, – вздохнула я, положив фиолетовый конверт в сумку.

– Хотите, чтобы я закрыла ящик, или заплатите за него? – поинтересовалась работница.

– Не думаю, что я вправе его закрывать, но и платить за него не буду. Так что... – Я пожала плечами.

- Тогда я его закрою.
- Хорошо. – Я была рада, что девушка приняла за меня решение, и улыбнулась: – Надеюсь, Фред Маркус будет не против, кем бы он ни оказался. – Я повернулась к двери.
- Сожалею о вашем отце, – сказала мне в спину девушка.
- Спасибо, – ответила я, не взглянув на нее, но, когда дошла до машины, глаза уже щипало от слез.

По дороге в Нью-Берн я миновала исторический район, где на улицах, окруженные деревьями, прижавшись друг к другу, теснились старые дома, а среди магазинчиков то тут, то там стояли гигантские раскрашенные медведи, символ города. Передо мной на велосипедах проехали двое полицейских, чем слегка подняли мне настроение. Пусть я и не жила в Нью-Берне с тех пор, как уехала в колледж, он все еще ассоциировался у меня с домом – единственным в своем роде и очень уютным местом.

Я повернула на Крейвен-стрит и въехала на нашу подъездную дорогу. В гараже все еще стояла машина отца – ее верх виднелся в одном из разбитых окон. Пока что я не придумала, что с ней делать – то ли продать, то ли отдать на благотворительность. Стоило добавить этот вопрос к огромному списку вопросов и задать его завтра утром юристу, когда я буду встречаться с ним. Лучше всего было бы отдать ее брату – Дэнни давно пора сменить его древнюю рухлядь, – но что-то мне подсказывало, что он откажется.

Нашему старому дому, построенному в викторианском стиле, с большим крыльцом, украшенным белыми перилами и пилястрами, требовалась покраска. Это был для меня единственный дом, где я когда-то жила. Я обожала его. После того как он будет продан, у меня, пожалуй, и не останется повода приезжать в Нью-Берн. Жаль, я не оценила эти кусты роз, когда в последний раз навещала отца. Он умер внезапно, не болел, ни на что не жаловался. И со дня его смерти я приезжала сюда лишь на два дня – организовать кремацию и сделать еще кое-какие дела, даже не помню какие. Хотел ли папа, чтобы его кремировали? Мы никогда не обсуждали с ним этот вопрос, к тому же я была настолько растеряна, когда он так неожиданно умер, что совершенно не могла принимать никаких решений. Хорошо, что со мной был тогда Брайан, он успокаивал меня и помогал мне. Он сказал, что раз моя мать была кремирована, то, возможно, и отец согласился бы с кремацией для себя. Этот довод показался мне здравым. Надеюсь, мой друг не ошибся.

Сидя в машине на подъездной дороге, я думала: а не слишком ли поспешно рассталась я с Брайаном? Сейчас бы мне пригодилась его поддержка. Папы больше нет, а Шериз до конца лета останется миссионером на Гаити. Так что, да, момент я выбрала хуже некуда. Хотя... разве можно подгадать момент для того, чтобы разорвать отношения, которые длились два года?

Едва я выбралась из машины и посмотрела на дом, как на меня снова со всей тяжестью нахлынуло одиночество. Я планировала задержаться здесь только на две недели – убрать в доме, а потом выставить его на продажу вместе с расположенным неподалеку небольшим трейлерным парком отца. Но, взглянув на окна, со всей ясностью поняла, что здесь требуется довольно серьезный ремонт, а если учесть, что отец не любил избавляться от старых вещей, то сроки на все это я себе установила совершенно невыполнимые. Нет, отец не обрастал барахлом из примитивного нежелания с ним расстаться, но он любил собирать разные интересные вещи. У него было несколько шкафов со старинными зажигалками, коллекционные трубки, старинные музыкальные инструменты, не считая миллиона других вещей. И вот от всего этого мне предстояло избавиться. Брайан говорил, что наш дом больше напоминает старый пыльный музей, а не жилище, – и он был абсолютно прав.

Признав очевидное, я все же постаралась не удариться в панику. В Дархеме меня все равно никто не ждал – лето было в полном моем распоряжении. Поэтому я могла никуда не торопиться и остаться здесь на столько, на сколько нужно, чтобы подготовить дом к продаже.

Интересно, удастся ли уговорить Дэнни помочь мне?

Я поднялась по широким ступеням на крыльцо, достала ключ и открыла дверь, она издала звук, до боли знакомый, как голос отца. Перед отъездом, в мае, я занавесила окна, и теперь в гостиной и кухне было темно. Я раздвинула шторы, хватив полные легкие пыльного, затхлого воздуха, наполнившего дом за время, пока он стоял взаперти, включила кондиционер и остановилась посреди комнаты, осматриваясь и прикидывая, как буду здесь все вычищать.

Несмотря на то что у отца имелся настоящий кабинет на втором этаже, он использовал в качестве кабинета и нашу просторную гостиную. Ему нравились столы и уютные застекленные шкафчики. Здесь же, в гостиной, стоял красивый старинный стол с раздвижной столешницей. На дальней стене, рядом с кухней, на специально сделанных стеллажах покоилась папина коллекция классической музыки, почти вся на виниловых дисках, а в специальном шкафу, встроенном в стену, стоял проигрыватель. В северной части комнаты, в застекленной витрине, хранилась его коллекция трубок. Из-за них мне всегда казалось, что в гостиной пахнет табаком, хотя папа уверял, что всё это мои фантазии. У стены напротив стоял диван, мой ровесник, и кресло с мягкой обивкой. Все остальное пространство занимало фортепиано, на котором я так и не научилась играть. Мы с Дэнни оба брали уроки, но ни ему, ни мне это было неинтересно, и родители позволили нам бросить это занятие. Правда, кое-кто говорил: «Они же брат и сестра Лизы, наверняка у них есть талант. Почему вы их не заставите?» Но родители нас все равно не принуждали, и за это я им благодарна.

В столовой меня поразило, насколько опрятнее она выглядела по сравнению со всеми другими домашними помещениями. Отец эту комнату не задействовал, возможно, даже и не входил в нее. Столовая была исключительно маминой вотчиной. В широком антикварном буфете стоял фарфор, вазы и блюда из хрусталя, переходившие в ее семье из поколения в поколение. Всеми этими предметами мама очень дорожила, и поэтому мне будет нелегко от них избавляться.

Я провела пальцами по пыльному буфету: куда ни повернись, повсюду в этом доме я натывалась на воспоминания, от которых мне следовало как-то уберечься.

Поднявшись наверх, чтобы отнести сумку, я ненадолго задержалась в холле, из которого был выход сразу в четыре комнаты. Первой была спальня отца с большой кроватью, накрытой пледом. Вторая принадлежала Дэнни. Несмотря на то что он не спал в ней с тех пор, как в восемнадцать лет ушел из дома – вырвался, по его словам, – для меня она все равно оставалась его комнатой. Третья была моей. Правда, за те годы, что я в ней не жила, она заметно опустела: закончив колледж, я постепенно вывезла из нее практически все свои вещи – все, что так или иначе напоминало о старшей школе и колледже. Фотографии приятелей, альбомы, диски – теперь вся эта дребедень хранилась в коробке, в моей квартире в Дархеме, ожидая часа, когда я решусь ее разобрать.

Я положила дорожную сумку на кровать и прошла в четвертую комнату – кабинет отца. У окна, загромождаая весь небольшой стол, стоял его старый компьютер. В застекленных антикварных шкафах, вытянувшихся вдоль одной из стен, хранились зажигалки «Зиппо», две других стены украшали старинные компасы. Дедушка тоже был коллекционером, поэтому многое из его коллекции досталось отцу, а он, в свою очередь, пополнил ее диковинками, найденными на блошиных рынках. Я знала, что раздвижные стеклянные дверцы шкафов заперты, но надеялась отыскать ключи, где бы отец их ни хранил.

К четвертой стене были прислонены пять скрипок в древних чехлах. Отец сам не играл, но, сколько я себя помню, всегда собирал струнные инструменты. На одном из чехлов, на

ручке, был прикреплен ярлык. Я давно его не разглядывала, но и так помнила, что с одной стороны на нем нарисована скрипка, а с другой, вместе с нашим старым адресом в Александрии, написано имя «Лиза Макферсон». Лиза никогда не жила в этом доме.

Мама умерла вскоре после того, как я окончила старшую школу, и хотя я до сих пор не переставала по ней скучать, я привыкла к тому, что ее нет. А вот без папы находиться в доме было странно. Пока я переодевалась у себя в гардеробной, я все ждала, что он войдет в комнату, – нелегко было примириться с мыслью, что этого не произойдет. Я скучала по нашим еженедельным телефонным разговорам; к тому же я всегда могла до него доехать за два часа. С ним было так легко говорить! Я постоянно ощущала его безграничную любовь. Ужасно сознавать теперь, что в мире не осталось никого, кто любил бы меня так же сильно.

Отец был очень неразговорчивым человеком. Возможно даже, одним из самых неразговорчивых людей на планете. Он скорее расспрашивал, чем говорил. Его интересовали мельчайшие подробности моей жизни, но о себе он говорил очень скупно. Я психолог, работаю в средней школе и привыкла задавать вопросы, поэтому мне всегда было приятно, что есть хоть кто-то, кто для разнообразия расспрашивает и меня. Отец был одиночкой. Он и умер в одиночестве – от сердечного приступа на полу в «Фуд лайон». И это беспокоило меня больше всего.

Брайан говорил, что мне, возможно, стоило заказать для отца заупокойную службу, но, если честно, я не знала, кого на нее пригласить. Если у него и были друзья, то я с ними незнакома. В отличие от большинства жителей Нью-Берна, он не состоял в членстве ни в одной из церквей или общественных организаций. И я была уверена, что и брат не придет к нему на службу – его отношения с отцом довольно сильно отличались от моих. Когда, узнав о смерти папы, я приехала в Нью-Берн, я не смогла найти Дэнни. Его друг, Гарри Вашингтон, работающий в полиции, сказал мне, что ходил к его трейлеру, собираясь сообщить об отце, но Дэнни там не оказалось. Машина оставалась припаркованной рядом с трейлером, а самого его нигде не было. Мы с Брайаном даже обыскали ближайший лес. Но Дэнни ориентируется в лесу лучше кого бы то ни было, поэтому неудивительно, что мы его не нашли, – у него там полно своих секретных мест. Зато сейчас он понятия не имеет, что я в городе, так что на этот раз я свалюсь ему как снег на голову. Надеюсь, мне удастся уговорить его помочь с домом. Правда, с трудом верится, что он согласится.

2

Телефона у Дэнни не было, поэтому поговорить с ним я могла, только приехав к его трейлеру, который стоял в самом лесу, на окраине отцовского трейлерного парка, расположенного примерно в 10 милях от Нью-Берна. Длинная подъездная дорога, ведущая к парку, была настолько узкой и лес так плотно обступал мою машину, что я невольно задумалась – как же здесь ездят передвижные дома? Я съехала с дороги и выбралась на тропу, бегущую параллельно ручью. Чуть ниже, с правой стороны, за полосой гравия виднелся парк. Но я свернула налево, на еще более непролазную дорогу, которая как раз и должна была привести меня к трейлеру Дэнни. Я сбросила скорость, но меня все равно всякий раз подбрасывало на сиденье, когда машина наезжала на кочку или ямку.

Наконец я достигла поворота и последний раз свернула налево, углубляясь в лес. Теперь мне предстояло ехать по пешеходной тропе, причем заметить ее мог не всякий, что как раз таки очень нравилось Дэнни. Пока я пробиралась через камни и корни растений, по лобовому стеклу машины то и дело хлестали ветви деревьев. Так что какие-то двести футов пути здесь казались бесконечными.

И вот я заметила впереди блеск металла и морально приготовилась к предстоящей встрече. Каким я сегодня увижу Дэнни? Будет ли он все тем же любящим старшим бра-

том, привыкшим скрывать грусть за улыбкой, или я увижу сердитого, измученного душевными страданиями мужчину, подверженного приступам раздражения? И в том и в другом случае больше всего меня расстраивал тот факт, что, даже будучи психологом, я не могла ему помочь.

Проехав еще немного вперед, я вывернула на поляну, где густые заросли деревьев образовали нечто вроде неглубокой ярко-зеленой пещеры с земляным полом, сплошь усыпанным хвойными иголками, и, с трудом припарковавшись на пятчке между небольшим древним «Эйрстримом» Дэнни, его старой «Субару» и натянутым между двумя пихтами гамаком, прихватив из машины сумки с продуктами, направилась к трейлеру.

Брат открыл дверь, едва я приблизилась.

– Привет, Дэнни, – улыбнулась я, вложив в улыбку побольше сердечности.

– Привет, – сдержанно отвечал он. – А я все гадал, когда же ты тут появишься.

Его интонация ничего не выражала, и мне сложно было понять, о чем он думает. Но в глазах играли искорки, что не могло меня не успокоить. Дэнни всегда считался привлекательным парнем, он и сейчас был таким, несмотря на спутанные светлые волосы до плеч, которые с возрастом стали чуть темнее, чем были в детстве. Особенно хороши были светло-голубые глаза, ярко выделявшиеся на загорелом лице. Брат сильно исхудал, отчего щеки казались ввалившимися, однако борода была аккуратно подстрижена, что меня порадовало. В худшие времена она была у него длинной и неопрятной. И именно по бороде с некоторых пор я научилась определять состояние его дел.

– Я приезжала сюда сразу после смерти папы, но тебя не застала, – ровным голосом проговорила я.

– Надеюсь, это не сильно удивило тебя?

Ладно, подумала я, значит, сегодня мы имеем дело с сердитым Дэнни.

– У меня здесь кое-что из еды и сигареты, – вместо ответа на его вопрос сообщила я, показав сумки.

В одной были фрукты: персики, дыня, пинта клубники, в другой – немного сыру, блок «Мальборо» и упаковки с пастой, которую, как я знала, Дэнни любит готовить. Я давно оставила попытки приучить его правильно питаться – гораздо важнее для меня, чтобы он был счастлив. Однако алкоголь я покупать не стала, тем более что была уверена – у Дэнни его и так предостаточно.

Я протянула ему сумки. Он взял их и, сделав шаг назад, позволил мне войти. По старой привычке я чуть было не обняла его, но сдержалась – за долгие годы мы почему-то совершенно перестали обниматься. А ведь когда-то, лет до десяти или одиннадцати, я считала Дэнни своим лучшим другом, несмотря на то, что он старше меня на четыре года. Но его переходный возраст забрал его у меня... и так и не вернул.

– Нам нужно поговорить, – начала я.

– Это обязательно? – спросил Дэнни, и по его тону я поняла, что он догадывается, как много вещей нам предстоит обсудить.

– Обязательно.

С момента моего последнего посещения брата прошло несколько месяцев, и я успела забыть, как сильно трейлер Дэнни кренится набок, когда вступаешь в его тесное пространство, – у меня всегда при этом кружится голова. Между узкой кроватью в одном конце и встроенным столиком с двумя скамейками в другом – не более пяти шагов, но брата это устраивает. Я знаю, что он любит замкнутые помещения. Однажды он признался, что чувствует себя в них в большей безопасности. Хотя он, конечно, не отшельник. Несколько раз, приходя к нему, я замечала следы присутствия женщины – губную помаду на ободке чашки, любовный роман на тумбочке. Дэнни всегда пользовался вниманием слабого пола. В под-

ростковом возрасте многие мои подруги сходили по нему с ума. Так что меня радовало, что он не проводит дни в одиночестве.

Ощущая слабую струйку холодного воздуха от оконного кондиционера, я принялась убирать продукты в холодильник. Не знаю, как Дэнни удалось провести сюда электричество, но благодаря постоянно работающему генератору летом здесь было прохладно, а зимой достаточно тепло. От генератора работал и компьютер – ноутбук брата заметно выпадал из «интерьера» пятидесятых. Дэнни всегда любил технику. Он и теперь целыми днями просиживал перед компьютером, что меня радовало. Я знаю, что он переписывался по электронной почте с некоторыми армейскими друзьями, и, по-моему, это шло ему на пользу. Конечно, мне бы хотелось, чтобы и со мной он не терял связи, но, видимо, все те письма, что я ему посылала, растворились в вакууме.

Я поставила молоко в холодильник и поймала на себе взгляд Дэнни: прислонясь к тумбочке, он наблюдал за мной.

– Брайан с тобой? – спросил он.

– Мы расстались. – Я закрыла дверцу холодильника. – По моей инициативе.

– Если не ошибаюсь, это же о нем ты говорила «единственный»?

Меня немного удивило, что он это запомнил.

– Ну... я думала, он им был, – ответила я. – Прошло три года, как он расстался с женой, но не спешил разводиться. А ждать я устала. – В том, что Брайан любил меня, я не сомневалась, однако наши отношения двигались в никуда. У него было двое замечательных детей, да и жена, как я догадывалась, все еще была ему безразлична. Я чувствовала себя лишней.

– Мне сразу следовало это понять, – вздохнула я. – Правда, времени понадобилось чуть больше.

– Ну и хорошо, – заключил Дэнни довольно искренне.

– Я думала, он тебе нравится.

– Мне не нравилось, как он тобой управлял. – Сложив на груди руки, брат чуть отклонился назад и окинул меня взглядом. – И знаешь, ты выглядишь замечательно. Как будто избавилась от груза, который тянул тебя вниз.

– Да ладно, – засмеялась я.

Как я могла выглядеть замечательно, когда чувствовала себя такой несчастной? Все же я была тронута. Под суровой и едкой наружностью брата скрывался очень милый человек.

Дэнни вытащил пачку сигарет из привезенного мной блока, достал сигарету и прикурил. Из вежливости он протянул пачку и мне – как если бы я вдруг начала курить с момента нашей последней встречи, – но я покачала головой и села на скамейку возле стола.

Рядом с тумбочкой я заметила прислоненное к стене ружье, с которым Дэнни охотится на мелкую дичь в лесу. Насколько я знала, оно было единственным его оружием, во всяком случае, я на это надеялась. Как-то Гарри Вашингтон сказал мне, что в полицейском участке все считают Дэнни пороховой бочкой. Они с ним оба служили в Ираке, и мне было известно, что Гарри его слегка опекал. А пару недель назад он написал мне, что Дэнни выгнали из его любимого спортивного бара – он там ввязался в драку с барменом, – и теперь, по словам Гарри, брат тусовался в Слик-Элли, в практически заброшенной бильярдной, при виде которой у меня мурашки бегут по спине, даже если я просто проезжаю мимо.

Я опять бросила взгляд на ружье. Мне не раз приходилось бывать свидетельницей незапланированных приступов ярости брата, но я не столько боялась, что он кого-то порешит, сколько опасалась, что он навредит себе. Его все еще мучили боли в раненой ноге, из-за которой он вернулся с войны в Ираке, но одолевавшие его психологические проблемы были намного серьезнее. Хотя, сказать по правде, он и на войну уходил не в лучшей форме.

– Как у тебя дела? – спросила я, взглянув на Дэнни.

Он глубоко затянулся и выпустил из ноздрей две струйки дыма.

– Хорошо, – кивнул он.

Присев на скамью напротив, он отодвинул ноутбук и стряхнул пепел в крышку от банки.

– Ты принимаешь лекарства? – спросила я напрямик.

– Отстань, сестренка, – отмахнулся Дэнни, и я поняла, что не принимает. Он ненавидел все те лекарства, которые прописал ему психиатр.

– Ладно, проехали. – Я сложила руки на столе, точно приготовилась открыть собрание. – Итак, – сказала я, – как ты, возможно, знаешь, меня назначили исполнителем папиного завещания. В Нью-Берне я пробуду около двух недель, пока до конца не разберусь с его... имуществом. – Это слово непривычно прозвучало в связи с отцом; Дэнни же издал странный горловой звук. – Ты, кстати, можешь забрать его машину. Ей всего несколько лет и...

– Не нужна мне его чертова машина.

– Хорошо. – Я решила на время отступить, разберусь с этим позже. – А что насчет дома? Думаю, нам стоит его продать. Или, может быть, ты захочешь в нем жить, если?..

– Нет, спасибо. – Дэнни опять глубоко затыкнулся и, прищурившись, посмотрел на меня так, словно я оскорбила его этим предложением переехать в дом нашего детства. – Можешь решать все сама. Все, что угодно – и насчет дома, и насчет всего, что в нем есть... Мне важно лишь, чтобы кусок земли, – он показал на пол, – вот этот, который сейчас под нами, был моим навсегда.

– Нам придется продать парк, – ответила я. – Но не думаю, что этот кусок земли технически является его частью.

– Не является, – Дэнни помотал головой. – Он сам по себе.

– Ладно. Тогда я поговорю с адвокатом насчет того, чтобы эта земля отошла тебе. Пойдешь со мной завтра? К адвокату? Мне бы хотелось, чтобы ты знал, что...

– Нет, – отрезал Дэнни.

Я несколько не удивилась и только кивнула – возможно, так даже к лучшему. Дэнни бы все лишь усложнил – либо разнервничался бы настолько, что не смог бы усидеть на месте, либо вообще выбежал бы из комнаты. Мой брат непредсказуем.

– Хорошо. – Сигаретный дым начинал действовать мне на нервы, и я разогнала его рукой. – Дом нужно освободить от вещей, прежде чем я выставлю его на продажу. Поможешь мне? Не вещи таскать, а разобрать все и...

– Почему бы тебе не нанять кого-нибудь, кто все это вынесет? – Дэнни снова стряхнул пепел на крышку.

– Потому что... так не делается. – Я снова отогнала рукой дым и слегка наклонилась к брату: – Послушай, Дэнни, мне нужна твоя помощь. Может быть, сделаешь это для меня? Не для отца – для меня. Сама я не справлюсь со всей этой кучей работы.

Дэнни поднялся и, пройдя к раковине, затушил под струей воды сигарету. Я знала, что задела его за живое, попросив за себя, а не за отца.

– Все так запутанно, – пробормотал он.

– Что?

– Да все.

Я попыталась представить, что творится у него в голове. Однажды, во время нервного срыва, когда Дэнни был особенно уязвим, он признался, что постоянно чувствует страх и что даже на громкий звук реагирует так, будто кто-то на него нападает. Я знала, что в ночных кошмарах он снова и снова возвращается в Ирак, туда, где ему приходилось делать вещи, о которых он отказывается вспоминать. Когда же я настаивала, чтобы он о них рассказал, он говорил: «Если я сделаю это, ты будешь смотреть на меня совсем по-другому». Отец пытался его поддержать, но по непонятной для меня причине Дэнни всегда относился к нему

враждебно, и в итоге отец отступил. Я его за то не виню. Но сама я не отступлю. Всегда, когда Дэнни будет особенно агрессивен, я постараюсь помнить, насколько он уязвим.

– Ты меня любишь? – спросила я.

Брат резко поднял голову.

– Конечно. – Его плечи поникли, будто это признание его сломило. Тяжело вздохнув, он повернулся ко мне: – Что мне придется делать? – Голос его при этом был как у маленького мальчика, который хочет мне угодить, но боится услышать то, что я скажу.

– Давай я поговорю с адвокатом, а потом разберусь с тем, что нам предстоит сделать. – Нам. Пусть это будет касаться нас обоих. – Возьмешь у меня телефон, чтобы мы, если что, могли созвониться, пока я здесь?

Дэнни помотал головой:

– Нет, не надо.

Я не совсем поняла, что он имел в виду: «не надо никакого телефона» или «не делай больше никаких предложений, иначе я взбешусь». Я решила, что в любом случае для одного визита достаточно, и поднялась.

– Ты отлично выглядишь, Дэнни, – сказала я напоследок. – Я очень тебя люблю.

И это было правдой. Дэнни остался единственным живым родным для меня человеком.

На ночь я застелила кровать в своей комнате, хотя мне ничто не мешало уснуть на кровати родителей. Но я не смогла. Мне все еще казалось, что я нарушу их личное пространство, – а к этому я не была готова.

За те две недели, что прошли после расставания с Брайаном, ночные часы стали для меня самыми мучительными. Обычно по вечерам мы звонили друг другу, чтобы пожелать спокойной ночи или сказать «я люблю тебя», и сейчас мне очень этого не хватало. В первую неделю после расставания с ним я еще как-то держалась, каждую ночь изматывала по телефону Шериз, совершенно не задумываясь, каково ей выслушивать мои стоны и жалобы. Но теперь она была на Гаити, дозвониться до нее было совершенно невозможно, и я чувствовала себя по-настоящему осиротевшей.

В двенадцать ночи я все еще, лежа в постели, таращилась в потолок. Поняв, что так и не усну, я решила спуститься вниз и заварить в микроволновке чай со снотворным. На обратном пути, подходя с чашкой к лестнице, я заметила на столе в гостиной свою сумочку и вспомнила про фиолетовый конверт, который мне вручили на почте. Взяв его, я поднялась наверх, снова забралась в постель и, глоточками отхлебывая из чашки горячий чай, принялась изучать витиеватый почерк Фреда Маркуса. Обратного адреса на конверте не было, и, немного помедлив, я решила его вскрыть. На одеяло выпал цветной снимок с изображением музыкальной группы. Блюграсс или кантри. Две женщины и двое мужчин со струнными инструментами в руках. Внизу подпись «Джаша Трейс» – видимо, название группы. На обратной стороне тем же почерком – расписание тура, адрес получателя и короткое послание:

«Жду не дожусь, когда увижу тебя! Где мы встретимся? Целую и обнимаю».

Черт. Вот теперь я по-настоящему почувствовала себя паршиво. Кем бы ни был этот Фред Маркус, фотографии он не получит, потому что я забрала ее из почтового ящика. Все же надо было оставить ее там. Возможно, даже стоило заплатить, чтобы ящик какое-то время был открытым?

Вздохнув, я дотянулась до мусорной корзины, стоявшей рядом с кроватью, и выбросила конверт вместе с фотографией. У меня и без них была куча дел, я не считала себя обязанной разбираться с проблемами незнакомого мне человека. Пусть Фред Маркус разбирается с ними сам.

3

– Ваш отец составил завещание три года назад. – Сьюзен Комптон, адвокат отца, передала мне копию завещания.

Я положила его на край стола и начала просматривать. Сразу после смерти папы, как только я приехала в Дархем, Сьюзен помогла мне собрать необходимую для юристов информацию и получить доступ к его счетам, но рассмотрение завещания было решено отложить до настоящего момента – мне хотелось изучить его с ней с глазу на глаз.

– Как я уже говорила по телефону, – продолжила Сьюзен, – ваш отец разделил все пополам между вами и трастом вашего брата. Дом. Трейлерный парк. Его банковские счета. За исключением участка земли в пять акров, который полностью отходит Дэниелу. Вы же станете доверенным лицом его траста. В дальнейшем нам следует обсудить ваши обязанности в этом вопросе.

Я кивнула. Разумеется, я знала о трасте, но все же до конца не осознавала, что теперь буду распоряжаться деньгами Дэнни. Он мог тратить их с ограничениями, чтобы не потерять выплаты по инвалидности. Поэтому, когда Сьюзен сообщила, что отец оставил Дэнни землю, у меня словно гора с плеч свалилась.

– У вашего отца была также небольшая страховка на случай смерти, которую, очевидно, он приобрел, пока работал на правительство, – продолжала Сьюзен, – и еще у него накопились премии на сумму примерно пятьдесят тысяч долларов – эти деньги тоже отходят вам двоим.

– Отец работал на правительство? – удивилась я. Может быть, Сьюзен что-то перепутала? – Насколько я помню, он только управлял трейлерным парком.

– Страховка довольно старая. Ваш отец купил ее в тысяча девятьсот восьмидесятом году, когда состоял в Службе маршалов¹ США, – пояснила Сьюзен.

Она потеряла шею, нырнув рукой под светлые, средней длины, волосы, и продолжила что-то искать в папке с отцовскими бумагами. Она выглядела немного невыспавшейся, но я-то в отличие от нее вообще за всю ночь не сомкнула глаз.

– Он был маршалом? Отец? Тут точно нет ошибки?..

Я не договорила, в голове внезапно всплыло одно из неясных детских воспоминаний: мы с Дэнни строим на пляже замок из песка и вдруг замечаем, как на наших глазах полицейский арестовывает двух расшумевшихся пьяниц. «Папа раньше тоже арестовывал людей, – сказал тогда Дэнни. – Он был маршалом». Брат проговорил это с большой гордостью, но я не поняла тогда ничего – мне в то время было не больше пяти. Я просто улыбнулась.

– Когда я была маленькой, Дэнни однажды что-то такое упомянул насчет того, что отец был маршалом. Может быть... он это имел в виду? В восьмидесятом, когда, как вы сказали, папа приобрел эту страховку, моя семья жила в Виргинии, недалеко от штата Вашингтон. Так что, наверное, все сходится. Но я не знала, что он работал на правительство. Он об этом никогда не рассказывал.

– Ну, это было очень давно. – Сьюзен посмотрела на завещание, явно желая перейти к делу. – Как я понимаю, ваш отец был заядлым коллекционером? Он говорил, что самое ценное в его приобретениях – это скрипки. После них идет коллекция трубок, которую он завещал Томасу Кайлу.

– Серьезно? – Я в удивлении откинулась на спинку стула.

¹ Федеральный маршал, сотрудник службы Министерства юстиции США, назначается президентом с последующим утверждением сенатом на четырехлетний срок. Его должность соответствует по функциям должности шерифа в окружном суде.

Том Кайл? Он и его жена, Вернис, были постоянными резидентами отцовского трейлерного парка. Том всегда казался мне немного сварливым стариком, а вот Вернис я находила милой. После смерти папы я попросила Сьюзен помочь Тому разобраться с бронью и оплатой за парк. Кажется, все прошло нормально.

– Скажите, есть в коллекции вещи, за которые вы хотели бы побороться? – спросила Сьюзен.

– Нет... – Я медленно покачала головой. – Просто я несколько удивлена. Наверное, Том Кайл с отцом были намного ближе, чем я полагала. На самом деле это здорово, что папа ему что-то оставил. – Мне и в самом деле было приятно, что у отца имелся друг, который был ему небезразличен. По моим предположениям, коллекция трубок стоила около двух тысяч долларов. – А мистер Кайл знает об этом?

– Нет. Но вам, как исполнителю, следует его известить. Также можете сказать ему, что он может звонить мне по любым вопросам, а я в свою очередь подготовлю документы, которые ему нужно будет подписать. – Сьюзен опять взглянула на завещание. – Единственное, что здесь еще прописано, это то, что ваш отец оставляет фортепиано и десять тысяч долларов Дженни Лайонс.

Я не сразу вспомнила, кто это. О Дженни Лайонс я не слышала уже несколько лет.

– Вы знакомы с Дженни? Она агент по недвижимости.

– Давняя мамина подруга. По-моему, они дружили с детства. Но со смерти мамы прошло семь лет...

Помнится, когда я была еще ребенком, мама с Дженни где-то раз в два года отправлялись в совместное «путешествие». Путешествие девчонок, как они это называли. Они уезжали на пляж или в Эшвилл, когда там жила Дженни. Если я, конечно, ничего не путаю.

– Я не знала, что отец поддерживал с ней связь.

– Вполне возможно, что ваша мама просила его что-нибудь оставить для Дженни, – сказала Сьюзен. – Вы или ваш брат... вы имеете что-то против того, чтобы она получила деньги или фортепиано?

Я покачала головой:

– Нет, конечно. Это воля отца... Тем более что Дэнни живет в трейлере, а у меня – маленькая квартира. К тому же ни он, ни я не умеем играть, – добавила я с улыбкой.

– Тогда вам стоит встретиться с Дженни, – кивнула Сьюзен. – Возможно, она сумеет помочь вам с продажей дома и трейлерного парка. Насколько я знаю, вы собирались выставить их на продажу?

– Да, собиралась.

– Итак. У меня записано, что на момент составления завещания приблизительная сумма сбережений вашего отца была двести тысяч. Эти деньги, плюс страховка, плюс стоимость дома и парка, которую Дженни поможет вам определить, – делятся между вами и Дэнни.

Ничего себе, подумала я, однако вслух постеснялась это произнести. На моем личном счете в банке к тому времени было шесть тысяч долларов, и я ужасно гордилась, что скопила хотя бы столько, учитывая, что за работу школьным психологом деньги получала совершенно мизерные.

– Я бы не советовала вам швырять деньги на ветер, – продолжила Сьюзен. – Лучше всего их во что-то вложить. Найдите хорошего советника по финансам. Кстати, могу, если нужно, кого-нибудь порекомендовать, если захотите найти такого человека в Дархеме. Будьте осторожны с деньгами и сделайте так, чтобы они начали приносить прибыль. Например, купите себе дом. Теперь вы вполне можете съехать из своей маленькой квартиры. Будем надеяться, деньги помогут и вашему брату. Как, кстати, у него дела?

– Вы разве знакомы с ним? – спросила я, впрочем, не сильно-то удивившись. Почти все в Нью-Берне знали Дэнни с той или иной стороны. Чувства он вызывал у людей противоречивые – кто-то был ему благодарен за его службу в армии, кто-то жалел его из-за ранения. Но были такие, кто не доверял ему и считал его непредсказуемым.

– С ним лично я незнакома, – ответила Сьюзен, – но я занималась его трастом и знаю, что ему многое пришлось пережить. – Закрыв папку, она тепло улыбнулась. Я была благодарна ей за то, что она говорит о Дэнни с сочувствием, а не пренебрежением.

– Да, это правда, – согласилась я с ней.

– Послушайте еще кое-что... – Сьюзен встала из-за стола. – Когда кто-то умирает вот так неожиданно, как ваш отец, нет времени, чтобы все подчистить. Ну, то есть очистить историю посещения сайтов в Интернете и тому подобное. Так что не ройтесь слишком глубоко в его личных делах, чтобы лишний раз не расстраиваться.

Я нахмурилась.

– Вы мне что-то недоговариваете?

– Нет! Что вы! Я едва знала вашего отца. – Сьюзен обошла стол, чтобы проводить меня к двери. – Когда умер мой отец, я нашла... порнографию на его компьютере, ну или что-то типа того. Теперь очень жалею, что это увидела. – Она смущенно мне улыбнулась. – Я всего лишь хотела вас предупредить.

– Мне трудно представить, как отец смотрит порно, – заметила я, взявшись за ручку двери.

– Никогда не знаешь, какой сюрприз тебя ожидает, – вздохнула Сьюзен. – А ваш отец, как я подозреваю, был кладезь сюрпризов.

4

Хотела бы я иметь нормального брата. Такого, с которым можно было бы спокойно обсудить мою встречу со Сьюзен и открыто погоревать о смерти отца. Но, боюсь, не суждено мне его иметь – даже несмотря на то, что я смогла разбудить в нем чувство вины и на целый вечер заманила его в наш старый дом. Пока мы ехали к нему из трейлерного парка, я, можно сказать, вживую осязала беспокойство Дэнни, как если бы оно было еще одним пассажиром моей машины. В его «Субару» закончился бензин, а денег, чтобы заправиться, у него не осталось, вот я и решила его подвезти, а заодно попробовать всучить ему хотя бы сто долларов, которые сняла с его трастового фонда. Дэнни раздраженно отвернулся от денег. И я не могла на него за это обижаться – гордость брата была уязвлена тем фактом, что младшая сестра распоряжается его фондом.

Я остановилась у «Эм Джейс», чтобы купить фунт готовых креветок и немного картофеля фри, и, пока ждала заказ, сердце от тревоги чуть не выскочило из груди: почему-то мне казалось, что когда я вернусь, то не обнаружу Дэнни в машине. Но, к счастью, он никуда не ушел, а по-прежнему сидел на пассажирском сиденье, заполняя салон сигаретным дымом. Разумеется, я ничего не сказала. Хочет курить – пусть курит. Даже если он захочет выпить, я возражать не буду. Тем более что сама, вопреки своему желанию, купила для него упаковку пива.

Прежде чем снова завести машину, я достала из сумки сотовый, приобретенный сегодня же, но чуть раньше.

– Вот, возьми – деньги на нем уже есть. Это чтобы мы всегда могли быть на связи, – сказала я, протягивая Дэнни телефон.

– Мне он не нужен. Правда.

– Ну это же ненадолго. – Я вложила телефон ему в руку. – Я вбила свой номер тебе в контакты, а твой номер у меня есть.

После некоторого раздумья Дэнни взял телефон и положил в карман джинсов.

Довольная, я завела машину, и мы поехали к дому, окутанные смесью запахов сигаретного дыма и соуса для креветок. Я припарковалась на подъездной дороге, и мы медленно пошли через газон к крыльцу парадной двери. Дэнни уже не так сильно хромал, как раньше, хотя мне все же показалось, что он с трудом преодолевает это небольшое расстояние. Но, возможно, он просто хотел оттянуть момент, когда войдет в дом, в котором не был несколько лет.

– У папы на счете около двухсот тысяч долларов, – сообщила я брату, переходя из гостиной в кухню, где собиралась выложить еду из пакетов.

Дэнни пошел за мной, по дороге осматриваясь: с того времени, как он был здесь последний раз, в доме почти ничего не изменилось.

– Половина из них отойдет в твой траст...

– И что я буду делать с такими деньжищами? – безо всякой радости спросил он, когда мы вошли в кухню.

Вопрос этот, как я понимала, был риторическим.

– Ну... – я положила пакеты на стол, – пусть лежат себе в банке на случай, если вдруг понадобятся.

Я уже сказала Дэнни, что земля, на которой он сейчас живет, переходит в его собственность.

Заглянув в холодильник, он достал бутылку пива.

– Откуда у него такая куча денег? – спросил он, закрывая дверцу.

Я подошла к буфету, чтобы взять тарелки.

– Да накопил... – предположила я. – Он ведь совсем мало тратил. К тому же раньше он состоял на правительственной службе. Ты ведь об этом знаешь.

– Хм. – Пошарив по навесным шкафам, Дэнни отыскал открывалку для бутылок. – Он что, был сумасшедшим? Сама посуди... Бросил работу на правительство и приехал сюда управлять трейлерным парком?

Я посмотрела на него и вынула из буфета две фарфоровые тарелки от маминого старинного францисканского сервиза.

– А может быть, он, как ты, – отозвалась я задумчиво. – В том смысле, что предпочел тихий образ жизни крысиной гонке в Вашингтоне.

Дэнни глотнул пива.

– Я бы не сказал, что это был мой личный выбор.

Кивком я указала на заднюю дверь, и мы прошли на веранду. Я поставила тарелки на стол и открыла коробки из «Эм Джейс». Веранда была застекленной, но все равно было слышно, как сверчки и цикады пели свою вечернюю песню. Я любила сидеть здесь. Эта веранда напоминала о детстве, пусть даже клеенка, покрывавшая стол, была другая. Летом я обычно читала тут в кресле-качалке. И даже помню книги, которыми увлекалась тогда, – жизнь в те времена была намного проще, чем сейчас.

– Помнишь, как в детстве мы любили играть на этой веранде?

– Нет, только не эти тарелки! – воскликнул Дэнни, пропустив мой вопрос. – Нам обязательно есть из них? – спросил он, указывая на кремовый узор из яблок – ручная работа.

– А что с ними такое?..

– Просто... я чувствую себя так, будто мне снова пятнадцать.

Мне хотелось спросить, что же плохого в том, чтобы почувствовать себя пятнадцатилетним, но что-то мне подсказывало, что я не получу ответа на свой вопрос.

– А я люблю эти тарелки, – призналась я. – Они напоминают мне о маме.

– Вот именно, – подхватил Дэнни.

Но я не собиралась идти ради него за другими тарелками. Положив себе креветок, я пододвинула к нему картонный контейнер.

– Давай накладывай, и рисунка не будет видно!

Он потянулся к контейнеру, и я мысленно возликовала.

– Итак, – произнесла я, очищая креветку, – я рассказала тебе про свою неудачную личную жизнь. А у тебя как? Есть в твоей жизни кто-нибудь... особенный? – Я намеренно решила ненадолго сменить тему.

Дэнни уклончиво пожал плечами.

– Они приходят и уходят – и меня это устраивает.

Он съел пару креветок, допил пиво и встал.

– Пожалуй, еще бутылочку, – объявил он. – Тебе принести?

– Нет, спасибо.

В ожидании его возвращения я вяло жевала картофель фри. Как же я ненавижу эту натянутость между нами!

Сегодня Дэнни был сплошной комок нервов. Казалось, тронь его, и он взорвется.

Когда он вернулся, бутылка была уже наполовину пуста. Он стал чистить креветки, и я заметила, что руки у него довольно сильно дрожат. Может быть, он что-нибудь принимает? – подумала я. После Ирака он курил много травы, но сейчас, насколько я знала, предпочитал алкоголь.

– Нам нужно поговорить о доме, – напомнила я мягко и перешла к рассказу о том, что узнала от Сьюзен. – Фортепиано и десять тысяч долларов отходят Дженни Лайонс. Мне кажется это несколько странным. Они, конечно, дружили с мамой, но...

– Я ее знаю, – отхлебнув пива, проговорил Дэнни. – Всегда, когда мы сталкиваемся в городе, она пытается заговорить со мной, но я напускаю на себя хмурый вид, будто замучен стрессом, и она отваливает.

Я от души рассмеялась. Но хоть Дэнни и изъяснялся прямолинейно, я все равно не могла понять, шутит он или говорит всерьез. Но мне нравилась его честность.

– Возможно, ты и Тома Кайла знаешь, – сказала я. – Он живет в конце трейлерного парка.

– Полный засранец. Вечно ходит в своих камуфляжных штанах – старается выдать себя за того, кем не является.

– Я не очень-то с ним знакома. – Я отщипнула картофель. – После смерти папы он помогал с парком – за что я ему очень благодарна. Похоже, у них с отцом были какие-то особые отношения – папа оставил ему коллекцию трубок.

– Да кому они нужны, эти трубки!

– Не скажи, – возразила я. – Но в любом случае хотя бы с этим нам не придется возиться. А вот в чем мне в первую очередь понадобится твоя помощь, так это в том, чтобы упаковать все, что пойдет на благотворительность. Нам нужно будет полностью вычистить дом, чтобы мы смогли его продать.

В надежде на то, что Дэнни откроется мне и мы сможем наконец нормально поговорить, я начала развивать эту тему и мечтать, как две ближайшие недели мы будем работать плечом к плечу. На середине моей речи брат прервал меня и, посмотрев во двор, где уже довольно сильно стемнело, сказал:

– Вообще-то... я думаю, тебе лучше кого-нибудь нанять. Я не буду этим всем заниматься.

Его голос прозвучал мягко, но в нем не чувствовалось извинительных интонаций. Он говорил о своей позиции как о деле решенном.

– Но почему, Дэнни? – спросила я осторожно.

– Попав сюда снова, я понял... – Он на секунду задержал на мне взгляд, но быстро опять уткнулся в тарелку – там одиноко лежала креветка. – Ну не хочу я рыться в их старых вещах! Типа этой посуды. – Он постучал пальцем по краю тарелки. – Не хочу я их видеть!

– Ладно, – смиренно ответила я. Брат все больше и больше меня удивлял.

– Мне часто снятся кошмары. И наша семья снится в них не реже Ирака, – добавил он.

– Не понимаю, – поразила я тому, что слышала. – Тебя что, здесь обижали?

Дэнни поднес бутылку к губам и, запрокинув голову, допил все до последней капли.

– Обижать можно по-разному, – загадочно проговорил он и поставил бутылку на стол.

– Это ты о чем? – Я еще больше была удивлена и ошарашена.

– О том, что для помощи с домом тебе нужно кого-то нанять, – повторил он, заводясь. – А я умываю руки.

Он поднялся и прошел с веранды на кухню. Пока я прибирала за нами стол, я снова слышала, как хлопнула дверца холодильника.

Но когда я вошла на кухню, Дэнни там уже не было, он перешел в гостиную. Я поставила тарелки и пустые упаковки из-под еды рядом с мойкой и встала в дверном проеме, соединяющем комнаты. Дэнни рассматривал стеллажи с виниловыми пластинками, одна рука в кармане, в другой – очередная бутылка пива.

– Какой в этом смысл? – пробурчал он, бутылкой указав на пластинки. Его голос звучал сердито, и я решила, что пока не стоит заходить в комнату. – За всю жизнь не прослушаешь столько. И деньги на ветер. Одержимость какая-то.

– Это была его страсть, – осторожно вступила я.

Помню, мама всегда говорила, что папе нужны увлечения. И хотя она не развивала эту тему, я догадывалась, о чем шла речь, – увлечения отвлекали его от мыслей о дочери, которую он потерял.

– Помнишь, родители всегда представляли нашу семью так, будто у них только два ребенка? – спросила я. – А Лизы будто бы никогда и не было.

Дэнни, не двигаясь, продолжил смотреть на пластинки – он лишь глубоко вздохнул и шумно выдохнул. В детстве, если кто-то спрашивал, сколько у нас в семье детей, мы заученно отвечали – двое.

– Мы почему-то никогда не говорили о ней, – добавила я. – Даже сейчас при упоминании о ней ты закрываешься и...

– Черт, как же меня все это достало! – неожиданно вскричал Дэнни и, резко повернувшись, изо всей силы запустил бутылкой в шкаф с коллекцией трубок. Стекло дверца разлетелась на миллион осколков, а я в испуге отступила назад.

Дэнни вылетел вон, я же была так потрясена его поведением, что не могла и пошевелиться.

– Дэнни! – растерянно позвала я.

Но он уже сбежал по ступеням с крыльца и, прежде чем я успела прийти в себя, скрылся. Я тупо смотрела на разбитое стекло в шкафу, сквозь которое виднелись трубки, выпавшие из узких деревянных подставок – две упали на пол, – из дверной рамы криво торчали осколки, делая дверцу похожей на пруд с проломленным льдом. Весь пол был усеян мерцающим стеклом. Маленькие искорки покрывали чуть ли не каждую поверхность рядом.

Пару секунд я стояла недвижно, но сквозь ступор пробилась мысль – у Дэнни же нет машины, а до трейлера десять миль, так что ему придется топать пешком. Схватив сумочку и ключи, я выбежала за ним через парадную дверь.

На улицах Нью-Берна было темно и тихо. Я медленно поехала в том направлении, в каком предположительно должен был пойти Дэнни, и вскоре заметила его в свете фонаря:

сильно хромая, он двигался к окраине города. Поравнявшись с ним, я опустила боковое стекло:

– Садись.

Брат остановился, но на меня не взглянул.

– Давай, Дэнни, – повторила я приглашение. – Ну, пожалуйста.

Наконец его плечи поникли, и я поняла, что он сдался. Шагнув к машине, он открыл дверцу.

– Только не назад в дом, – предупредил он, садясь в машину. – Отвези меня ко мне, хорошо?

– Конечно, – кивнула я, в тот же момент смиряясь с мыслью, что Дэнни не будет мне помогать с домом.

Мили две мы ехали молча. Я не знала, о чем говорить, опасаясь, как бы после любых моих слов брат не выскочил из машины. Через некоторое время он включил радио и стал перебирать станции, пока не нашел то, что ему пришлось по душе. Песня в стиле хип-хоп. Она была хорошо нам знакома обоим, и, слушая, мы невольно начали покачивать головами в такт, хотя настроение не очень-то соответствовало беспечному ритму.

– Малышня, с которой я работаю, обожает эту песню, – сказала я, радуясь возможности свернуть на нейтральную тему.

Но тут, как назло, вспомнила о ружье в трейлере, и весь остаток пути не могла отделаться от тревожных мыслей. По своей работе мне не раз приходилось обсуждать с подростками тему самоубийства, но сейчас я ощущала реальный страх и от этого не знала, что говорить, и спросила:

– Могу я сходить с тобой в центр ветеранов, пока буду здесь?

– Это еще зачем?

– Не прикидывайся дурачком, Дэнни. Так не может продолжаться. Когда ты в последний раз виделся с психиатром?

– Отвали.

От обиды у меня в глазах потемнело, но я пересилила боль и крепче вцепилась в руль. Через некоторое время Дэнни коснулся моей руки.

– Прости. Я знаю, что ты хочешь помочь, но ты все равно не сможешь. Смирись с этим. Хорошо? Я такой, какой есть.

Я кивнула, однако сдаваться не собиралась. Ни за что.

– Не волнуйся за дом, – сказала я, поворачивая на дорогу, ведущую к трейлерному парку. – Как-нибудь разберусь.

Съехав с разбитой грунтовки, я свернула налево, и мы стали медленно продвигаться в темноте через кочки.

– Сюда. – Дэнни указал на почти невидимый проем среди деревьев, через который можно было проехать на поляну, где стоял трейлер.

Я осторожно повернула налево и начала углубляться в лес. Некоторое время мы ехали вдоль тропы, пока фары моей машины не осветили автомобиль Дэнни и его старый «Эйрстрим». Я остановилась и выключила зажигание.

– Я с тобой, – предупредила я.

– Нет, – сказал Дэнни и потянулся к ручке на дверце.

Единственное, что было у меня в мыслях, – ружье, поэтому с моих губ сорвалось:

– Скажи честно, ты думаешь о самоубийстве?

Я не видела лица брата и, заглянув в него, с удивлением заметила на его глазах слезы. Он ответил не сразу, но в голосе я не могла не почувствовать нежность:

– Я в порядке, Райлс.

Мое сердце сжалось от любви к Дэнни. Он назвал меня именем, каким меня называли в детстве.

– Это правда. Со мной все в порядке, – добавил он. – Просто я не мог больше находиться в этом доме.

Я достала из сумочки несколько свернутых в трубку двадцаток и протянула ему.

– Это твои. Возьми.

Помедлив, Дэнни взял деньги.

– Я люблю тебя, – сказала я.

– Спасибо, что позаботилась о том, чтобы земля отошла ко мне. – Он открыл дверцу и вышел из машины.

Эти слова меня обрадовали. Если земля все еще была ему небезразлична, значит, он думает о будущем. И не собирается вышибать себе мозги. Во всяком случае – не сегодня.

Пока Дэнни не скрылся в трейлере, я фарами освещала ему дорогу, затем развернулась и начала выезжать из леса. Все это время голова моя была занята мыслями о предстоящей работе в доме. Однако мне не только в нем нужно было навести порядок, но и в своем сердце. А еще придумать, как вылечить Дэнни.

5

Когда в последний раз я была в трейлерном парке? Я пыталась это припомнить, пока ехала по узкой длинной дороге в противоположную от леса Дэнни сторону, но так и не вспомнила. Может быть, прошлым летом, а может быть, позапрошлым. В тот год я нагрязнула в Нью-Берн без предупреждения, собираясь сделать отцу сюрприз, но не обнаружила его дома и поехала туда. Я застала его за работой над лодочным слипом: он поднял глаза, и лицо его осветилось улыбкой. Сейчас же, по дороге в парк, меня не оставляло тяжелое чувство – я знала, что отца там уже не увижу.

У папы был свой собственный старенький трейлер на первом из двенадцати участков, и я подумала, что хорошо бы его проверить, прежде чем поеду к Кайлу в его передвижной дом. Но, припарковавшись рядом с трейлером, я вдруг сообразила, что ключей-то у меня нет, а все двери и окна, конечно же, закрыты. Я попыталась открыть их, но безуспешно. Тогда мне ничего не оставалось, как снова сесть в машину и ехать дальше по дороге из гравия.

Трейлерный парк не входил в число тех примечательных мест, которые показывают туристам. Это была вонючая полоска земли между судоходной бухтой и Кроатанским лесом, и единственными удобствами здесь были вода и электричество, плюс лодочная станция. У меня не было случая сравнить этот парк с другими аналогичными, но что мне в нем нравилось, так это то, что каждый из двенадцати участков был уединенным и по обеим сторонам отделялся лесом. Особенно это радовало в теплое время года, когда из-за обилия листвы другие трейлеры оставались неразличимы за деревьями, и можно было лишь слышать детский смех, доносившийся из бухты.

Трейлер Кайла стоял на самом последнем участке неподалеку от бухты, в тени деревьев, и был установлен на бетонных плитах. Рядом с ним стоял припаркованный бледно-зеленый «Форд» – седан. Трейлер был таким же старым, как и у отца, но значительно больше. Над дверью имелся провисший навес, а крыша в передней части осела – возможно, однажды сюда упало дерево. Этот передвижной дом выглядел удручающе, похоже, у Кайлов не получалось поддерживать его в нормальном состоянии. Самого Тома я не видела несколько лет, но знала, что он ровесник моего отца и сейчас ему должно быть около семидесяти. Интересно, как он распорядится коллекцией папиных трубок?

Я припарковалась за «Фордом» и сразу заметила Тома, который сидел по ту сторону трейлера за столом и чистил рыбу. Одет он был в майку и камуфляжные штаны и, по всей

видимости, обрабатывал утренний улов. Сейчас он показался мне крупнее, чем я его помнила. Высокий, широкоплечий. В молодости он, наверное, имел телосложение атлета, но сейчас годы взяли свое. Я захлопнула дверцу машины, и Кайл, подняв глаза, прищурился и посмотрел на меня сквозь стекла очков в серебристой оправе. Я подошла ближе, однако он меня не узнал.

– Мистер Кайл, я Райли Макферсон – дочь Френка Макферсона.

Том отложил нож, и выражение его лица изменилось. Казалось, он не столько улыбнулся, сколько нахмурился.

– Райли, – проговорил он, – давно тебя не видел. Как поживаешь?

– Хорошо, – ответила я. – Приехала разобраться с домом и всем остальным. Спасибо, что вы этот месяц не забывали о парке.

Кайл покачал головой:

– Ужасно, что это случилось с твоим отцом. – Он посмотрел на свои руки, покрытые рыбной чешуей. – Без него здесь все будет по-другому.

– Папа оставил вам одну из своих коллекций, – сказала я. – Трубки.

– Мы с Вернис следили за резервациями и всем прочим, – проговорил Кайл, не услышав меня. – Будешь проверять записи? Теперь, наверное, этим придется заниматься тебе?

Определенно, он не услышал, что я ему сказала насчет коллекции. Похоже, у него начались проблемы со слухом.

Я покачала головой.

– Я приехала сообщить, что папа завещал вам коллекцию трубок, – повторила я чуть громче. – Я не знаю, сколько они стоят. Но он хотел, чтобы они достались вам. Его адвокат позаботится обо всех формальностях.

Кажется, теперь мои слова дошли до Кайла, и он медленно кивнул – взгляд его по-прежнему был прикован к рыбе на столе.

– Что ж, – проговорил он, выдержав паузу, – весьма любезно с его стороны. – Он посмотрел в сторону бухты: – И больше ничего? – спросил он вдруг, чем изрядно меня удивил.

Он ожидал большего?

– Нет, – ответила я. – Папа упомянул вас только в связи с коллекцией трубок.

Все утро сегодня у меня ушло на то, чтобы собрать стекло возле шкафа – слава богу, ни одна трубка не пострадала.

На противоположной стороне трейлера скрипнула дверь.

– Кто здесь? – Из-за угла передвижного дома вышла Вернис Кайл.

– Вернис, ты помнишь дочку Френка? Младшую, – поторопился уточнить Том, будто испугавшись, что жена подумает о моей старшей сестре. Они что, знали Лизу? Интересно, как же это могло получиться?

– Конечно, помню! – Вернис тепло улыбнулась и, взяв меня за руку, сжала мою ладонь.

Ее кожа была обвисшей и истонченной, волосы, которые, как мне показалось, она стригла сама, были аккуратно причесаны. Она была несколько полноватой (трикотажная майка с короткими рукавами обтягивала ей грудь и живот), но грузной не выглядела.

– Прими мои сожаления, Райли, дорогая, – сказала она. – Представляю, каково тебе без отца.

Я кивнула.

– Спасибо. – Меня удивило, что она знает мое имя – наверное, папа рассказывал ей обо мне.

– Мы почему-то никогда не видим твоего брата, правда, Том? – оглянулась она на мужа. – А ведь он живет всего в миле от нас. – Она отпустила мою руку. – Когда ваш отец

умер, мы хотели навестить Дэнни. Я и кексы испекла... Но его не оказалось на месте. А кексы я побоялась оставить, вдруг белки или...

– У Райли для нас новости, Вернис, – перебил жену Том. – Отведи ее в дом. А я пока здесь уберусь и потом приду к вам. Там и обсудим все.

– Пойдем, дорогая. – Вернис нежно коснулась моего локтя, и я последовала за ней.

Мы свернули за угол и по ступенькам поднялись в темное помещение трейлера. В нем было не намного прохладнее, чем за его стенами. Приспущенные жалюзи не давали проникать солнечному свету, и потребовалось несколько секунд, прежде чем мои глаза привыкли к сумраку. Как же они здесь живут, словно моли в душном туннеле?

– Налить тебе холодного чая? – спросила Вернис, когда я села у встроенного стола, который был чуть больше, чем стол в маленьком трейлере Дэнни. Трейлер Кайлов казался раза в три длиннее.

– Нет, спасибо, – сказала я. – Не хочу.

Вернис сняла фотографию с дверцы узкого холодильника и положила передо мной, включив над нашими головами свет.

– Помнишь моего сына, Люка? – спросила она.

– Помню... – ответила я из вежливости, хотя воспоминания были очень смутные. Он жил в трейлерном парке, и поэтому мы ходили с ним в разные школы. Но мне запомнилось, что Люк был веселым и остроумным парнишкой. – Где он сейчас? – спросила я.

– В Колорадо. Получает докторскую степень – что-то связанное с компьютерами.

– А других детей у вас нет? – спросила я лишь для того, чтобы поддержать разговор. – Я, если честно, не помню.

– Нет. Люк – наш единственный сын. Поэтому-то я и показываю тебе его фотографию. – Она взяла ее в руки. – Ты мне всегда напоминаешь о нем.

Я не совсем улавливала, какая связь между мною и Люком, однако кивнула.

– И почему же я вам о нем напоминаю? – спросила я.

Вернис села с другой стороны стола и снова тепло улыбнулась.

– У нас не было детей, – сказала она, – и я как-то поделилась этой проблемой с твоей матерью. Она мне рассказала, как они тебя удочерили. Так что этой идеей я обязана ей. Я тогда сказала Тому, почему бы и нам не усыновить ребенка? Вот так у нас и появился Люк. – Казалось, Вернис радовалась тому факту, что между нашими семьями обнаружилось что-то общее.

Вот только я не могла не прояснить этот момент.

– Миссис Кайл, меня не удочеряли, – начала я осторожно. – Вы, наверное, перепутали. Возможно, это была не наша семья, а кого-то из ваших друзей?

Она широко раскрыла глаза и откинулась на спинку узкой скамейки.

– О!.. – промолвила она, краснея. – Ну, да. Я подумала... Ты права, да. Я, должно быть, перепутала. – Она резко встала и открыла холодильник, однако ничего не достала. – Прав Том – я теряю последние мозги.

Она закрыла дверцу, дрожащими пальцами взяла фотографию Люка и вновь прикрепила ее к холодильнику. Мне было жаль, что я расстроила эту женщину, но вскоре она овладела собой и опять улыбнулась.

– Ну, кто бы то ни был, им было столько же, сколько и нам, когда они усыновили ребенка, – продолжила она вспоминать. – Уже под сорок. И мы решили, что если они могут подать на усыновление в их возрасте, то и мы можем. Вот так мы и взяли Люка – ему тогда едва исполнился годик. Это было лучшее, что мы сделали за свою жизнь.

Я улыбнулась:

– Я рада, что у вас появился сын. Наверное, вы им гордитесь?

– Конечно! И очень по нему скучаем. Мы не виделись с Рождества.

– Рассказывает о Люке? – спросил Том, входя в трейлер.

– Да, – ответила я.

– Он идеальный сын. – Кайл подошел к раковине помыть руки. Казалось, он занял собой весь трейлер, распространив вокруг запах рыбы, пота и... возможно, алкоголя. – Единственный его недостаток – то, что он живет в другой части страны. Жаль, наш трейлер больше не передвигается. А так бы мы к нему съездили. – Положив руки на бедра, он осмотрел дом, который не мог не вызывать клаустрофобию. – Наш трейлер так долго стоит на месте, что уже и забыл, как когда-то ездил.

– Да, трейлер на колесах был бы нам очень кстати, – задумчиво проговорила Вернис.

– Она уже знает новости? – Том кивнул на жену.

Я рассказала Вернис о коллекции, завещанной папой ее мужу.

– Думаю, эти трубки стоят около тысячи долларов, – прибавила я.

Вернис странно посмотрела на мужа, но потом я снова заметила проблеск радости в ее голубых глазах.

– Пусть Бог хранит твоего отца – это все, что я могу сказать! – промолвила она. – Ты же не расстроишься, если мы их продадим? Я знаю, твой отец обожал эти свои коллекции. Но нам-то с ними нечего делать.

– Конечно, я не расстроюсь, – улыбнулась я. – Как только трубки станут вашими, вы можете распоряжаться ими как пожелаете.

Мы поболтали еще немного, и я вернулась к своей машине. Я ощущала себя Санта-Клаусом, и, сказать по правде, это было не самое плохое чувство.

Однако всю обратную дорогу меня преследовали не их улыбающиеся лица или грусть по поводу смерти отца, а уверенность, с какой миссис Кайл рассказывала, как мое удочерение вдохновило их на то, чтобы взять Люка.

Вернувшись, я решила немного вздремнуть. Меня не столько вымотала поездка, сколько выбили из колеи слова Вернис Кайл, что меня удочерили. Я никак не могла понять, почему ее слова не выходят у меня из головы. Разумеется, она ошиблась. Но почему после ее заявления я почувствовала себя такой одинокой и потерянной? Почему мысль, что семья, которую я практически полностью потеряла и по которой так горевала, – мне не родная, – поселила в моей душе пустоту?

Позже, тем же днем, когда стало немного прохладнее, я надела кроссовки и спустилась вниз. Взгляд упал на стопку счетов на столике рядом со входной дверью. Их перенаправили мне в Дархем, но я до сих пор ничего не просмотрела. За последние дни конвертов заметно прибавилось, и я испугалась, что в любой момент могут отключить электричество и дом погрузится во тьму.

Охваченная беспокойством, я сгребла конверты и отнесла их на отцовский письменный стол. Выдвижная панель была поднята, и мой взгляд невольно упал на чековую книжку, лежавшую там. Я вскрыла конверты, сложила счета в стол и заглянула в чеки, чтобы определить, сколько денег отец обычно тратил на коммуналку и сколько еще осталось заплатить. Записи заканчивались за неделю до его смерти: какие-то счета оплачивались автоматически и не были отмечены в книжке, а какие-то требовали уточнения. Я подумала, что завтра обязательно схожу в банк и с кем-нибудь из служащих разберусь со всем этим.

Я уже собиралась было отойти от стола, как вдруг заметила на одной из строчек имя Тома Кайла – отец зачем-то выписал ему чек на пятьсот долларов. Я просмотрела другие записи: кроме платежей по коммунальным услугам отец ежемесячно выписывал Тому чек на эту же сумму. Он что, задолжал ему денег? За что, интересно, он с ним расплачивался? Поразмыслив, я решила не делать поспешных выводов и выяснить все, когда приеду в парк проверять папин трейлер.

И это только одна задача из тысячи! – подумала я, вздохнув. Но все это может подождать и до завтра.

Я опустила крышку выдвижной панели, закрыла стол и отправилась пробежаться.

6

Дженни Лайонс работала в нескольких кварталах от моего дома, поэтому я решила заглянуть к ней на следующий же день, сразу после утренней пробежки. Офис располагался в небольшом здании. На окнах скотчем были приклеены фотографии выставленных на продажу домов. В комнате, куда я вошла, было два стола, за одним я увидела молодую женщину с прямыми светлыми волосами – она одарила меня широкой улыбкой, которой, как я поняла, приветствовала всех потенциальных клиентов.

– Доброе утро! – Встав из-за стола, женщина протянула мне руку.

– Здравствуйте. – Я пожала ее ладонь. – Я ищу Дженни Лайонс.

– Вам назначена встреча?

Я покачала головой:

– Нет. Мне нужно увидеть ее буквально на минуту. – Сказав это, я тут же поняла, что сморозила глупость: на то, чтобы сообщить человеку, которого я едва знала и о котором давно не слышала, что ему завещано фортепиано и десять тысяч долларов, уйдет гораздо больше времени, чем одна минута. – Я дочь ее старой подруги, – объяснила я.

– Подождите немного, – ответила женщина и скрылась за внутренней дверью.

Спустя мгновение дверь опять распахнулась, и из нее вышла Дженни. Я сразу ее вспомнила. В последний раз я видела ее, когда мне было восемнадцать, на похоронах мамы. Тот день прошел для меня как в тумане, но глаза Дженни я запомнила – большие, ярко-голубые, под густой челкой. У нее была стрижка каре, и волосы с одной стороны она заправляла за ухо. Несмотря на то что она была ровесница мамы, выглядела она значительно моложе. Я бы и сейчас не дала ей шестьдесят четыре года. Дженни тоже меня узнала, но улыбнулась несколько неуверенно. Подойдя ко мне, она протянула руку:

– Райли.

– Миссис Лайонс, – кивнула я и пожала ее ладонь.

– О, называй меня Дженни, – попросила она, сжав мою руку с теплотой, которая, однако, на ее лице не отразилась. – Я очень сожалею о твоём отце.

– Спасибо.

Воцарилась неловкая пауза, и Дженни выжидающе на меня посмотрела.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказала я. – У вас найдется свободная минутка или мне лучше прийти завтра?

Она бросила взгляд на часы на стене – они показывали пятнадцать минут двенадцатого – и повернулась ко мне:

– Мне сейчас нужно сделать пару звонков. А что, если мы встретимся за ленчем? Я закажу для нас столик в «Таверне Моргана». Как тебе такая идея?

– Отлично, – кивнула я и подумала, что как раз успею добежать до дома и переодеться. – Тогда увидимся позже?

Я прибыла в ресторан первой и спросила у администратора столик, забронированный на имя Дженни. Девушка провела меня в свободную боковую кабинку – похоже, Дженни специально попросила посадить нас в уединенном месте.

Когда она влетела в кабинку, я изучала меню. От ее энергии, казалось, даже воздух засвистел над нашим столом.

– Прошу прощения, – выдохнула она, опускаясь на стул. – Сегодня нужно было потушить миллион пожаров.

Когда Дженни села напротив меня, я заметила, что выглядит она все же на свой возраст, а не моложе, как я сначала подумала. Овал лица был уже не таким четким, да и морщин оказалось достаточно – особенно на шее. Но все равно от нее веяло молодостью и полнотой жизни.

К нашему столу сразу подошла официантка.

– Вам как обычно? – спросила она у Дженни.

– Да. Но принесите заказ чуть позже, – попросила та, взглянув на меня со значением.

– Рыбные тако, – сказала я. – И мне достаточно воды, что на столе.

Пока официантка не ушла, Дженни все время мне улыбалась. А как только мы остались одни, наклонилась ко мне и коснулась руки.

– Я так счастлива, что мне выпал шанс познакомиться с тобой поближе, – проговорила она. – Райли, ты превратилась в очаровательную молодую женщину. Мне и твой отец это говорил.

– Спасибо, – ответила я, хотя и сомневалась, что отец стал бы называть меня «очаровательной». Обычно он говорил мне, что я красивая. Пока я подрастала, папа все время старался повысить мою самооценку, даже несмотря на то, что я разочаровала его из-за полного отсутствия музыкальных талантов. Не знаю, почему у него все разладилось с Дэнни, но для меня он был хорошим отцом.

– Ты очень похожа на свою маму, – сказала Дженни, склонив голову набок и изучая меня взглядом.

– Правда? – Ну вот, а я волновалась, что меня удочерили, подумала я.

– Очень. Я ведь, кажется, видела тебя в последний раз на ее похоронах? Семь лет прошло! Если не ошибаюсь, тебе тогда было восемнадцать?

– Да, – кивнула я. – Вы тогда специально приехали из Эшвилла. А вот когда вы переехали сюда, я как-то пропустила.

– Вскоре после смерти твоей мамы, – сказала Дженни.

– Вероятно, вы поддерживали связь с моим отцом все это время?

– Ну разумеется. – Она покачала головой. – Он был замечательным человеком, Райли. Твоей маме с ним очень повезло. – Сделав глоток воды, Дженни поставила бокал на стол. – Как и мне, – добавила она, не отрывая от меня голубых глаз. Ей была интересна моя реакция.

Я не сумела достойно скрыть удивления и, опешив, спросила:

– Вы... вы о чем?

Но Дженни имела в виду только одно, и я не могла в это поверить.

Она не ответила и, будто ожидая, что я признаю очевидное, продолжала смотреть на меня с едва заметной улыбкой.

– Так вы... вы были не просто друзьями? – У меня в голове не укладывалось, что у отца был с кем-то роман.

Дженни кивнула.

– Надеюсь, тебя это не очень расстроило, – сказала она. – Мне кажется, твоя мама бы не возражала. Мы оба, и я, и твой отец, очень тяжело переживали ее смерть, а горе сближает людей. Я так сильно по нему скучаю.

– Ничего себе! – Не в силах посмотреть на Дженни, я разглаживала уголок на салфетке. – Почему же он никогда об этом не говорил? – Мне хотелось спросить у нее, как долго это продолжалось и как скоро после смерти мамы они начали... встречаться. – Он никогда не рассказывал, что у него с кем-то роман.

– А ты спрашивала?

– Нет. Мне это и в голову бы не пришло. – Я почувствовала вину из-за того, что никогда не интересовалась, есть ли у отца женщина. Я как-то не думала об этом.

– Ну, – сказала Дженни, – полагаю, твой отец просто не хотел тебя расстраивать – он знал, что вы с мамой были очень близки. Я-то со своей никогда особенно не откровенничала. Я, конечно, любила ее, а она меня, но ее никогда не волновали мои переживания.

– Мамы нет уже несколько лет... – вздохнула я. – И мне грустно, что папа скрыл от меня... ваши с ним отношения.

Официантка принесла наш ленч. Перед Дженни она поставила тарелку с супом из лобстеров, передо мной – с рыбными тако. Они выглядели весьма аппетитно, но за последние пару минут аппетит у меня совершенно пропал.

– У твоего отца была сложная жизнь, – сказала Дженни. – Сначала он потерял твою сестру, потом начались проблемы с твоим братом. И в конце концов умерла Дэб – твоя мама. Ему было тяжело.

– Я знаю.

– В молодости... обычно никто не интересуется жизнью родителей, – добавила она, поднося ко рту ложку с супом. – У молодых все крутится вокруг собственного «я, я, я».

Заметив выражение моего лица, Дженни немного смутилась и положила ладонь на мою свободную руку.

– Я не хотела, чтобы это так прозвучало, – объяснила она. – Это просто такой этап. Это нормально. Когда мне было слегка за двадцать, я и сама вела себя точно так же – не считала своих родителей за людей. Мне и в голову не приходило, что у них может быть личная жизнь. Я не хотела, чтобы ты почувствовала себя виноватой.

– Я никогда не считала отца «не человеком», – ответила я, убирая руку. – Я его любила.

– Конечно. Прости.

В чем-то она все же права, думала я, откусывая тако. Я любила папу, но разве не я еще несколько лет назад окрестила его про себя «старым эксцентричным затворником»?

– Он тебя тоже очень любил. – Дженни промокнула губы салфеткой. – И ужасно тобой гордился.

– Жаль, что он мне совсем ничего о себе не рассказывал, – вздохнула я с сожалением.

– Он был замкнутым. Ему больше нравилось что-то знать о других, чем говорить о себе. Он обожал свою семью. Постоянно перебирал ваши семейные фотографии из этой большой коробки. Любил мне их показывать. Ему нравилось ностальгировать. Думаю, это и свело нас вместе – то, что я знала вашу семью.

– А что за коробка? – удивилась я, положив тако на тарелку.

– Там, в шкафу, у него в спальне. Разве ты ее никогда не видела? Там есть и твои снимки, где ты маленькая. И фотографии твоей сестры, брата и мамы.

– А, ну да, – кивнула я. Мне ничего не было известно о существовании этой коробки, но я не стала признаваться, что и об этом отец ни словом мне не обмолвился.

– А я, в свою очередь, показывала ему фотографии твоей мамы, когда мы были подростками. Мы с Дэб познакомились в восьмом классе, когда жили в Арлингтоне. И с тех пор были с ней неразлучны.

– Какой она была? – не удержавшись, спросила я.

Я и маму никогда не расспрашивала о ее детстве – из-за чего мне сейчас было очень стыдно. Мне просто в голову не приходило расспрашивать об этом родителей. Дженни была права насчет «я, я, я». А теперь мне уже не представится такого шанса.

– О, она всегда была душой компании! Представь, этакая заводила и хулиганка! – широко улыбнулась Дженни.

– Мама? – изумилась я. – Моя мама?

– Ну да. Из-за нее мы всегда ввязывались в какие-нибудь неприятности. Например, прятали своих приятелей в багажнике, чтобы посмотреть фильм в кинотеатре под открытым небом. Нам запрещалось являться туда с парнями, потому что, сама понимаешь, чем мы занимались тогда в машинах. – Она раскатилась коротким смехом. – Фильм-то уж точно никто не смотрел. А сколько раз мы школу прогуливали! Бессчетно! И это она всегда меня подбивала!

Я открыла рот, не веря своим ушам. Она говорила словно о другом человеке, мне неизвестном.

– Это вообще не похоже на маму, – только и сказала я.

– Нет? А какой ты ее помнишь?

– Убежденной католичкой и очень... ну... не знаю, какой-то законопослушной, что ли... И постоянно в депрессии. – Мама всегда была какой-то слегка отстраненной. Можно было находиться с ней в одной комнате и не ощущать ее присутствия. – Но только, по-моему, антидепрессанты ей совсем не помогали.

Дженни кивнула.

– Дэд сильно изменилась после смерти Лизы, – признала она. – Это правда. – Она посмотрела на часы. – Ну так что, Райли, – внезапно сменила она тему, – зачем ты хотела со мной увидеться?

Я надеялась, что Дженни еще что-нибудь расскажет о маме, но, по всей видимости, времени у нас не осталось.

– Два дня назад я встречалась с папиным юристом, – сказала я, – и узнала, что он оставил вам десять тысяч долларов и фортепиано.

Дженни выпрямилась.

– О! – вырвалось у нее.

Я не совсем поняла ее реакцию.

– Что ж, очень мило с его стороны, – произнесла она наконец, но голос ее при этом казался до странности неживым, бесцветным. – Я, конечно, люблю это фортепиано, но у меня есть свое. Наверное, мне придется его продать, а то ваше поставить мне будет попросту некуда.

– Вам не обязательно его забирать, – сказала я, стараясь разгадать ее эмоции: она явно была не рада, и меня это озадачило и взволновало. Отец вообще ничего не должен был ей оставлять! – Я собиралась продавать остальные вещи и могу заодно продать фортепиано, а деньги отдам вам.

– Нет, нет, – быстро ответила Дженни. – Я не хочу выглядеть неблагодарной. – Она грустно улыбнулась. – Тяжело терять кого бы то ни было... Я буду вспоминать твоего отца за этим фортепиано. У меня есть знакомые перевозчики инструментов, и я могу договориться, чтобы они забрали его в любое удобное для тебя время.

– Отлично. – Я вытащила из сумочки визитку, зачеркнула на ней номер школы, в которой работала, дописала номер своего сотового и протянула ей.

– Я правильно поняла, что ты продашь дом, трейлерный парк и все коллекции твоего папы? – спросила Дженни, вертя в пальцах визитку.

Я кивнула.

– Я точно продам дом и парк. А одну из коллекций папа кое-кому завещал... Трубки достанутся Тому Кайлу. Вы его знаете?

– Правда? – Дженни наморщила нос. – Как странно.

– Поначалу я тоже удивилась, – сказала я. – Но сейчас мне кажется, что они были ближе, чем я думала. Кайлы жили в этом парке, сколько я себя помню. Наверное, поэтому отец захотел им что-то оставить. Им, по-моему, лишние деньги не помешают.

Дженни все еще рассматривала мою визитку, будто это была самая интересная вещь в ресторане.

– Довольно щедро с его стороны, – странным тоном, которого я не поняла, заметила она.

Она как будто что-то недоговаривала. Я нетерпеливо отложила тако и спросила:

– Что-то не так?

– Нет, конечно же нет, – спохватившись, улыбнулась она. – А когда твой отец составил завещание?

– Три года назад.

Она в задумчивости кивнула и съела ложку супа.

– Тебе, наверное, хотелось бы с ним поговорить сейчас? – спросила она. – И выяснить, почему он сделал все таким образом? Зачем оставил Кайлам трубки? Эта коллекция стоит как минимум десять тысяч долларов.

– Правда?

– Да. Твой отец был знающим коллекционером. Хотя мне кажется, он не совсем понимал, что делал, когда завещал Кайлам трубки. – Дженни поджала губы. – Они не были друзьями. Наоборот, мне всегда казалось, что Том Кайл ему не нравится.

Судя по моему разговору с Томом, это чувство было взаимным.

– Вчера я просматривала папины чеки и обнаружила, что он выплачивал Кайлу по пятьсот долларов каждый месяц, – сообщила я Дженни. – Вы не знаете почему?

Теперь пришла очередь Дженни открыть рот от удивления.

– Ты шутишь!

Я покачала головой.

– Может быть, это как-то связано с парком? – задумчиво предположила она. – Может быть, Том помогал ему в качестве плотника или как-то еще?

– Деньги выплачивались в течение нескольких лет.

– Как странно... – Дженни вновь поднесла ложку ко рту. – Думаю, тебе нужно это выяснить.

– Да, разумеется. Я спрошу у него. – Я посмотрела на тако, к которым почти не при-
тонулась. – И, отвечая на ваш вопрос: да, я бы очень хотела поговорить с отцом. Сейчас я понимаю, что знала его далеко не так хорошо, как мне всегда думалось...

– Ты уже разобрала его вещи? – Она наклонилась к тарелке, однако взгляд из-под густо накрашенных ресниц был устремлен на меня.

Я не совсем поняла, к чему был задан этот вопрос, но снова почувствовала себя виноватой.

– Нет еще, – ответила я. – Ума не приложу, с чего начать.

– Тебе нужна помощь? – Дженни оживилась, будто только и ждала, когда сможет задать этот вопрос. – Если что – я с удовольствием. – Она отложила ложку. – Я могу обеспечить все необходимое, – деловито проговорила она. – Пригласить оценщиков для коллекций и даже найти покупателей. Тебе необходимо будет устроить распродажу имущества. И, кстати, моя дочь Кристина как раз недавно открыла компанию, которая занимается подобными вещами. Она бы тоже могла пригодиться. Она хорошо знает свое дело.

– Это было бы здорово, – искренне ответила я, невольно отстраняясь от стола – напор Дженни немного обескуражил меня. – Я совсем забыла, что у вас есть дочь, – добавила я. Хотя, по чести сказать, я и не слышала о ее существовании.

– Она значительно старше тебя, поэтому вы почти незнакомы. Сейчас ей сорок два – она всего на два года старше Лизы. В детстве, еще до того, как мы с Кристин переехали в Эшвилл, они часто вместе играли. – Дженни закатила глаза: – Разумеется, только тогда, когда

Лиза не занималась на скрипке. Твоя сестра была очень талантливой девочкой, с самого детства преданной музыке.

– Я знаю.

– Давай я как-нибудь зайду к тебе, и мы обсудим, что нам следует сделать, – предложила она. – Когда у тебя будет подходящее время? Ты надолго сюда?

– Я надеялась разобраться со всем недели за две, но, боюсь, у меня не получится. Впрочем, лето полностью в моем распоряжении, так что...

– А брат собирается тебе помочь?

Я покачала головой, но объяснять, к счастью, ничего не пришлось.

– В таких ситуациях всегда приходится делать больше, чем кажется поначалу, – серьезно заметила Дженни. – Но конкретно с этим домом... я могу подготовить его к продаже, если ты хочешь. Я, разумеется, не хочу давить на тебя, просто...

– Прошу вас. Я уверена, что папа был бы совсем не против, если бы вы занялись... всем этим... с продажей... Я в полной растерянности и не знаю, с чего начать, а что потом... Все так неожиданно...

– О, положиись во всем на меня! – Дженни даже порозовела. – Мы с Кристин обо всем позаботимся. – Она отодвинула пустую тарелку, намереваясь, по всей видимости, перейти к деталям. – Мне кажется, из-за того, что твой отец переобустроил дом – я про встроенные шкафы, – и того, что гостиная сейчас больше похожа на кабинет, нам нужно будет кое-что изменить и сделать его более пригодным для семейного проживания, – решительно заявила она. – Никаких кардинальных изменений, разумеется, делать не станем; стены сносить ни к чему, но нужно будет избавиться от шкафов. И в доме довольно старая мебель. Кухня и ванны тоже весьма устарели. Однако сначала, конечно же, следует распродать вещи и избавиться от разного хлама. Только потом можно будет оценить примерную стоимость отделки кухни и ванн. Все это может выйти дороговато, но, уверяю тебя, затраты не окажутся лишними. – Она уже завелась, а я медленно оседала на своем стуле под напором такого количества информации и такой ее предприимчивости, впрочем, возможно, это просто был профессиональный подход знающего свое дело специалиста. – В доме отличная планировка, – продолжила Дженни, – однако твой отец его немного подзапустил, особенно внешне. Согласись, старый дом в запустении – зрелище довольно унылое.

– Папа много занимался трейлерным парком. Он тратил на него кучу времени... – Я почему-то начала защищаться, хотя, по сути говоря, парку ничего не требовалось. Деревья, бухта, бетонные плиты – и все... о чем еще мечтать?

– Давай я приглашу людей, которые смогут привести в порядок газон и кусты? – не делая перерыва в потоке идей, предложила Дженни. – И, может быть, стоит посадить что-нибудь яркое перед домом и выделить бордюр?

– Это было бы здорово, – сдержанно согласилась я.

Она мне определенно не нравилась! Ее напор меня пугал, и я не могла понять, что у нее на уме. И еще мне было обидно, что она так хорошо осведомлена о моей семье. Однако мысль, что теперь у меня появится помощь, вселяла в меня чувство огромного облегчения.

Мы расплатились с официанткой – Дженни заплатила за тако, к которым я почти не притронулась, – и вышли на тротуар.

– Я позвоню вам через день или два, и мы назначим время, когда вы смогли бы подъехать, – вежливо сказала я, прощаясь.

– Только не затягивай, – деловым тоном предупредила Дженни.

– Нет, конечно.

Она схватила меня за руку и посмотрела в глаза. От ее взгляда у меня на затылке зашевелились волосы.

– Райли, я так рада видеть тебя! Ты даже не представляешь!

Я неловко улыбнулась, и она отпустила мою руку.

– Я вам позвоню, – негромко сказала я.

Мы расстались, и всю дорогу до дома я не могла отделаться от ощущения, что эта женщина мне непонятна, что-то было в ней излишне не то интимное, не то наступательное...

7

Коробку с фотографиями я нашла в спальне отца, в шкафу на верхней полке. Я сняла ее и перенесла на кровать, с которой недавно сняла постельное белье и на которой оставила лишь покрывало с вышитыми в углу инициалами «Ф. М. от Д. Л.». Поначалу, пока я не оправилась от смерти папы, я не придавала никакого значения этому желто-голубому покрывалу, выполненному в стиле пэчворк, но теперь поняла, что скорее всего его сделала Дженни, желая оставить о себе хоть какую-то память – и именно на его кровати.

Я мучительно размышляла, почему в присутствии этой женщины я чувствовала себя так неудобно. Может быть, потому, что она была ближе с отцом, чем я? Или из-за подозрения, что ее обрадовала мамина смерть и, как только мама перестала быть преградой, она заняла ее место? Наверное, нехорошо, что я так думала о ней. Ведь мама и правда была ее давней подругой. И вряд ли Дженни врала, когда признавалась, что горевала по ней, и только из-за этого они и сблизились с моим отцом. Но было что-то подозрительное в том, как она разговаривала со мной, и особенно – как смотрела на улице после ленча.

Однако меня учили не судить людей по их поведению, а стараться понять их. Может быть, Дженни просто неловко себя чувствовала в моем присутствии и не знала, как ей вести себя с дочерью любовника?

Да какая разница!

Я забралась на кровать, села по-турецки и принялась разглядывать снимки, вынимая их из коробки по несколько штук. Меня удивило, что отец, всегда с особым вниманием относившийся к своим коллекциям и расставлявший их с маниакальной аккуратностью, хранил фотографии в таком беспорядке. Я разложила их перед собой: какие-то фото были сделаны еще до моего рождения, на каких-то была запечатлена Лиза в детстве, на каких-то – Дэнни. Моих фотографий было совсем мало. И в этом не было ничего удивительного – младших детей обычно снимают меньше, чем первенцев. Да и наверняка к тому времени, как родились мы с Дэнни, родители подустали. Лизе было одиннадцать, когда Дэнни появился на свет. Я родилась еще позже. Может быть, нас и вообще не планировали, а появились мы только потому, что мама не пользовалась противозачаточными средствами – ведь она была католичкой.

В детстве Лиза с Дэнни очень походили друг на друга – оба светловолосые и голубоглазые, у обоих удлиненный овал лица. А вот я была совершенно другой – темноглазая, с небольшой копной тоже темных волос, с круглым лицом и носом-пуговкой, который, к счастью, таким и остался.

Здесь были фотографии Лизы не то в пять, не то в шесть лет. На них она в розовом платье и с маленькой скрипочкой. Широко улыбается, обнажая ровные, еще молочные зубы-жемчужины. «Что же случилось? – размышляла я о сестре. – Как эта счастливая маленькая девочка превратилась в грустного подростка, который решил покончить с собой?»

Там же, в коробке, я обнаружила две старые видеокассеты, на одной из которых была надпись: «Лиза, апрель 1980», а на другой: «Римский музыкальный фестиваль, июнь 1987». Мое сердце радостно забилось от предвкушения: я смогу не только увидеть сестру, но и услышать! Единственное препятствие – то, что в доме не было видеоманитфона, если они вообще хоть где-то остались.

Я положила кассеты на ночной столик и продолжила рыться в коробке. Мне попалась фотография юной Лизы, где она была с мальчиком примерно ее возраста – оба улыбаются, и у каждого в руках скрипка, прижатая подбородком. На обратной стороне подпись: «Лиза и Мэтти, 1985». Сестре тогда было около тринадцати. Я не знала этого Мэтти, но он был довольно симпатичным кудрявым мальчишкой с темно-кариыми глазами. Потом я нашла еще один их снимок, где им было лет по шестнадцать. Они стояли спина к спине, у Лизы на шее овальный медальон, а ее светлые волосы касаются темных кудрей Мэтти. Его улыбка была вполне искренней, а вот Лиза улыбалась напряженно. Но возможно, я придавала слишком большое значение мелким деталям. В конце концов, это было всего лишь мгновение, застывшее во времени.

На одной из фотографий я узнала Дженни. Тогда ее темные волосы были длинными, и она стояла, прижавшись к моей маме. Рядом с ней была девочка года на два старше Лизы и немного повыше ее. Видимо, та самая Кристин, которая будет помогать мне с распродажей вещей. Все выглядели такими счастливыми на этом снимке – и моя мама тоже! Непривычно было видеть ее расслабленной и ничем не обремененной. Но тогда она еще не потеряла свою дочь.

Рассматривая это фото, я вспомнила маму за несколько недель до смерти. Она хотела умереть дома, и поэтому медсестры из хосписа научили нас с папой, как за ней ухаживать. Все эти несколько недель я не отходила от ее постели ни днем ни ночью и, казалось, повзрослела за одно лето. Я купала маму, давала ей лекарства, держала за руку, говорила о том, как люблю ее... И всегда, когда папа приходил сменить меня, – отказывалась. Мне хотелось провести с ней каждую минуту. В те дни она была намного мягче, чем всегда, и казалась более открытой. Может быть, мы и не говорили ни о чем важном или значительном, но у меня осталось впечатление, что за эти несколько недель мы разговаривали больше, чем за всю жизнь. Мама очень переживала за нас с Дэнни – ее волновало наше будущее. Брат тогда все еще лежал в больнице, в Мэриленде, и приехать не мог.

– Не теряйте связь, – говорила мама. – Заботьтесь друг о друге.

К сожалению, у меня ничего не получилось. С Дэнни было сложно. А с папой... Пока он не умер, мне казалось, мы довольно хорошо знаем друг друга, но, как выяснилось после его смерти, он не считал нужным посвящать меня в свою жизнь. Из-за этого теперь меня не оставляло чувство, что я подвела не только Дэнни, но и всех.

Я отложила фотографию, раздумывая, не отдать ли ее Дженни, но потом все же решила, что у нее наверняка есть сотня снимков с дочерью, в то время как у меня совсем ничего не осталось с мамой и сестрой, и переложила ее к тем фотографиям, которые хотела оставить себе – пусть напоминает мне о маме, когда она была счастливой и довольной жизнью.

На следующем снимке, который я извлекла из коробки, был заснят Дэнни в армейской форме. Глаза его были пусты, и весь вид говорил о том, что он покоряется своей судьбе. Хотя, возможно, я опять видела в этой фотографии слишком многое из того, что произойдет в будущем.

Также там обнаружилось еще одно фото с Мэтти – тем кудрявым мальчиком. Он сидел перед большим фортепиано, кажется, даже перед нашим, а по обе стороны от него – я и Дэнни. Мне не больше двух лет, и Мэтти, положив руку на фортепиано, видимо, учит меня играть. Что ж, удачи тебе. Мне странно было видеть себя на этом снимке, тем более что я совершенно не помнила Мэтти.

Следом за этими фотографиями я извлекла из коробки большой снимок в рамке, который узнала сразу – и невольно открыла рот. Это было профессиональное фото, сделанное в студии. На нем мы были вдвоем – я и Лиза с Дэнни. Они сидят на небольшом мягком белом диванчике, а я – на руках у Лизы. Мне около полутора лет, Лизе, следовательно, шестнадцать, Дэнни – пять. Мы все в белом, и только мои волосы темным пятном выделяются на снимке,

что, наверное, не очень нравилось фотографу, так как из-за этого нарушалась цветовая композиция. Дэнни улыбается в камеру – у него уже нет двух передних зубов, а я, повернувшись к нему, пытаюсь схватить его за подбородок.

В моей груди словно что-то оборвалось, когда я увидела этот снимок. Оказывается, я уже тогда обожала своего брата. А он с удовольствием возился со мной. Никогда не понимала детей, которые рассказывали, как ненавидят своих братьев или сестер и стараются им досадить. Между мною и Дэнни ничего подобного не наблюдалось. Эта фотография была настоящим сокровищем. И я была бесконечно благодарна родителям, что они ее сохранили. Скорее всего у фотографа были и другие, более удачные, снимки, где, например, я сидела прямо и смотрела в камеру. Но этот кадр, на котором я тянулась к брату, говорил о многом. Как бы мне хотелось вернуть эту нашу с ним связь!

Что касается Лизы, то здесь она была снята за год до смерти, и я не могла не видеть печали на ее лице. Конечно, она улыбалась в камеру как примерная дочь, но глаза ее оставались грустными, в них не было и тени улыбки. Думала ли она в тот момент о своем поступлении в Джуллиард? Неужели она не могла быть счастливой от одной только мысли, что она талантлива, что может учиться там? Наверное, всё ее детство прошло под большим давлением. Еще бы, ребенок-вундеркинд! Конечно, ей было сложно.

Я рассматривала эту фотографию не менее получаса, все думая, смогла бы я или нет помочь сестре, узнать которую мне не посчастливилось.

– Другим же детям я помогаю, – промолвила я тихо, словно Лиза могла услышать меня.

И мне вспомнилось, как я впервые увидела это фото. Я наткнулась на него в ящике шкафа под мамиными шарфами, где скорее всего его прятали, потому что оно было перевернуто снимком вниз. Мне тогда было лет семь. Я узнала себя и Дэнни, но никак не могла понять, кто эта взрослая девочка, хотя она и казалась мне смутно знакомой. Я принесла фото в гостиную, где папа играл на фортепиано, а мама, сидя с Дэнни на диване, помогала ему с домашней работой.

– Кто эта девочка? – спросила я и показала на фотографию.

Все трое повернули ко мне головы, родители переглянулись.

– Это Лиза! – сказал Дэнни. – Ты что, не помнишь ее?

Мне лишь несколько раз доводилось слышать это имя в чужих разговорах.

– Иди сюда, Райли, – позвала меня мама и похлопала рукой по дивану.

Папа развернулся от фортепиано, а я села рядом с мамой и положила рамку с фотографией себе на колени.

– Лиза была твоей сестрой. Он умерла, когда ей было семнадцать. Тебе тогда было два года.

Я опять посмотрела на фотографию. И мне показалось, что я помню эту девочку, но очень-очень смутно. Я совсем забыла, как она ко мне прикасалась или как разговаривала со мной. В семь лет я почти ничего не знала о смерти. Мои дедушки и бабушки умерли раньше. Единственный дедушка, которого я более-менее помнила, скончался за год до того, от сердечного приступа.

Я посмотрела на маму и спросила:

– У нее был сердечный приступ?

– Нет, – ответил Дэнни, – она покончила с собой.

– Дэнни! – прикрикнул отец, а мама слегка шлепнула его по колену, но сказанного не вернуть.

Я непонимающе взглянула на брата.

– Что это значит? – спросила я.

– Она утонула, – быстро ответил папа. – Это все, что тебе следует знать.

– А почему Дэнни сказал, что она «покончила с собой»?

– Потому что она утонула нарочно, – сказал Дэнни.

Как можно «утонуть нарочно»? Я могла под водой задержать дыхание на сорок секунд, и потом мне сразу нужен был воздух. Но мне трудно было представить, как это возможно – «утонуть нарочно».

– А почему она это сделала?

Мама на секунду бросила взгляд на фотографию, лежавшую у меня на коленях.

– Бывает так, что человек становится очень-очень несчастным, – попыталась она объяснить мне то, что случилось с Лизой. – Настолько несчастным, что перестает верить, что когда-нибудь ему станет лучше. И он просто хочет перестать что-либо чувствовать. Вот это и случилось с Лизой. Она почувствовала себя настолько несчастной, что подумала, что никогда больше не будет счастливой, и покончила с собой. Это ужасно, и так делать нельзя. Никогда не думай ни о чем подобном, Райли! – Мама замолчала.

А папа сказал:

– Если когда-нибудь тебе станет очень грустно и ты почувствуешь себя несчастной, приходи к нам.

– Мне никогда не станет настолько грустно, – ответила тогда я, глядя на снимок: довольно трудно было осознать тот факт, что эта девочка с фотографии когда-то существовала.

С тех пор я не забывала маминых слов, что Лиза была настолько несчастна, что перестала верить в возможность снова когда-нибудь стать счастливой. Я думала об этом каждый раз, когда работала с ребенком в депрессии. Или когда мне самой было плохо – я обязательно напоминала себе, что придет время, и я снова стану счастливой. Мне не мешало бы и сейчас вспомнить об этом.

Я принесла фотографию к себе в комнату и поставила на ночной столик. Остальные снимки я разберу позже и там решу, что выкинуть, а что оставить. Но эту фотографию я непременно оставляю.

Я улыбнулась, взглянув на снимок. Мы втроем, и мы вместе. Это и есть моя семья.

8

Следующее утро выдалось невыносимо жарким. Я ехала по разбитой дороге к поляне Дэнни, но даже при включенном кондиционере в машине было так душно, что я вся взмокла. На сиденье рядом с собой я бросила полотняную сумку со связкой ключей, найденных в одном из ящиков папиного стола. Большинство из них были от шкафов с коллекциями, но несколько не подошли ни к одному из замков, и я решила попытаться открыть ими папин трейлер. Еще я взяла с собой старые фотографии – в надежде, что Дэнни захочет их посмотреть. Маловероятно, но попробовать стоило.

В действительности я просто искала повод, чтобы проведать брата. Мы не разговаривали с ним с тех самых пор, как я отвезла его ночью к трейлеру, – он тогда был не в лучшей форме, – но и в последующие дни на мои звонки Дэнни не отвечал. И я подозревала, что он просто не включил телефон, который я ему оставила со своим номером.

Я свернула на тропу, ведущую к трейлеру, и чуть не врезалась в полицейскую машину, которая, как мне показалось, выезжала от Дэнни. С его поляны. Боже, подумала я в панике, почему от Дэнни едет коп?! Я выбралась из машины, но, когда увидела за рулем темнокожего мужчину с волосами, тронутыми на висках сединой, сразу успокоилась – это же Гарри!

Увидев меня, он улыбнулся, а я вздохнула с облегчением.

– Привет, Райли! Одному из нас придется отъехать. – Гарри был в форме, причем его синяя рубашка, несмотря на жару, выглядела свежей.

– Что-нибудь случилось? – спросила я. – Что ты здесь делаешь?

– Завез твоему брату несколько книжек. – Он опять улыбнулся: – У нас с ним что-то вроде маленького книжного клуба.

– С ним все в порядке?

– А что с ним может быть не в порядке?

– Я так перепугалась, когда увидела твою машину! Дэнни был довольно мрачным, когда мы встречались последний раз.

– Сейчас, по-моему, с ним все хорошо. – Из-за деревьев выглянуло солнце, и Гарри заслонился рукой, чтобы оно не слепило глаза. – Ты нечасто бываешь здесь, потому еще не привыкла к перепадам его настроения. – Он чуть помолчал. – Но Дэнни крепкий. Хотя присматривать за ним, конечно, нужно.

– Да, я знаю, что ты за ним присматриваешь, – ответила я. – Спасибо, Гарри.

Он повел плечами, словно ему это ничего не стоило.

– Мы же братья, – добавил он. – Мы всегда друг за другом присматриваем.

Я знала, что он вкладывает в понятие «брат». Они вместе служили в армии, и это связало их на всю жизнь. Я немного ему завидовала – в отличие от меня, они с Дэнни действительно были близки.

– Ты же знаешь, что мне бы очень хотелось, чтобы Дэнни жил ко мне поближе, – сказала я.

Гарри улыбнулся.

– Сколько раз мы говорили с тобой об этом, Райли? – напомнил он.

Я засмеялась.

– Да, много-много раз, – ответила я, – но почему же не помечтать еще разок?

– Мне пора ехать. – Гарри показал на мою машину. – Ничего, если ты отъедешь? Мы ближе к дороге, чем к поляне.

– Конечно, – сказала я, не особенно радуясь предстоящей поездке по лесу задним ходом. Я махнула рукой на прощанье и снова села за руль.

Включив задний ход, я медленно двигалась через туннель деревьев. Как только мы добрались до дороги, Гарри помахал мне и покатил дальше, а я снова порулила к стоянке.

Въехав на поляну, я сразу его увидела. Дэнни лежал в гамаке с книгой в одной руке и бутылкой пива – в другой, наслаждался уединением. Хорошо же устроился мой братишка, подумала я. Живет в свое удовольствие. В отличие от меня, которая вечно чем-то озабочена и в суете душевной пытается решить то одну, то другую проблему. Во всяком случае, сейчас он выглядел именно так – как человек, которого ничто не волнует. Сибарит, да и только...

Я вышла из машины и, прихватив полотняную сумку с фотографиями и связкой ключей, зашагала к гамаку по траве, усеянной хвойными иглами. Увидев меня, брат перестал читать и сел, свесив ноги через край гамака, подошвами сандалий почти касаясь земли.

– Я тебе звоню, а ты не отвечаешь! – еще издали крикнула я, подходя к нему.

– Забыл включить телефон, – как ни в чем не бывало ответил Дэнни.

– Почему-то с трудом в это верится, – хмыкнула я, беря тон подтрунивания и игры. – Что читаешь? – Я остановилась в двух шагах от гамака.

Дэнни взглянул на обложку потрепанной книги:

– Что-то про Вторую мировую войну. Я беру все, что приносит мне Гарри.

– Я только что его видела. Мы чуть не столкнулись. – Пошарив в сумке, я извлекла из нее связку ключей и показала Дэнни. – Слушай, как по-твоему, подойдет какой-нибудь из них к папиному трейлеру? Хочешь, вместе проверим? Может быть, ты захочешь забрать его себе? Трейлер?.. – добавила я с надеждой. – Он не намного больше твоего, но ты мог бы перегнать его и поставить тут же, рядом – у тебя будет два трейлера. Все-таки больше места.

– Мне хватает того, что у меня есть. – Брат оттолкнулся ногами от земли, и гамак качнулся слегка.

– Тогда мне его продать? Папин трейлер? Или, может быть, он пригодится Кайлам?

– Что бы ты ни сделала, я поддерживаю. – Дэнни приподнял бутылку с пивом. – Будешь?

– Нет, спасибо.

У меня зазвонил телефон, и я достала его. Я знала, что это Дженни Лайонс. Она названивала мне с того самого дня, как мы вместе обедали, – изъявляла желание поскорее заняться домом. Она была уж слишком напористой, и от этого я чувствовала себя неуютно. Нажав на клавишу «отклонить звонок», я спрятала телефон.

– Дженни Лайонс, – объяснила я Дэнни. – Она будет помогать мне с домом. Ты знал, что они с папой были любовниками?

Брат перестал качаться: судя по тому, что лицо его приняло ошарашенное выражение, он впервые об этом слышал.

– Зря ты мне сказала, – спустя пару секунд проворчал он. – Теперь я буду их представлять. – Он помахал рукой перед глазами, изображая попытку отогнать видения.

Я засмеялась.

– Это так... странно, да? – усмехнулась я. – Она тоже – странная. Представь, это продолжалось несколько лет!

– Черт, – хмыкнул Дэнни. – Я и не знал, что старикашка был еще на что-то способен.

Я вынула из сумки фотографию в рамке, на которой мы были сняты втроем – я, Дэнни и Лиза.

– Я тут обнаружила в доме кучу фотографий, – сказала я, протягивая Дэнни рамку. – Вот эта мне нравится особенно. Я так трогательно здесь тянусь к тебе... Помнишь, как мы в детстве были близки?

Дэнни едва взглянул на фотографию.

– Мы были дети... Глупые и наивные, – только и сказал он.

Разочарованная, я убрала фотографию и решала не показывать остальных. Мне стало невыносимо одиноко – у меня было столько сокровищ, а поделиться ими было не с кем!

– Еще я нашла старые видеокассеты с Лизой, – сдавленно промолвила я. – Только нет видеомэгнитофона – посмотреть не на чем. Пришлось его заказать. Как только привезут, мы с тобой можем их посмотреть. Тебе ведь будет интересно?

– Ни за какие деньги, – с категорической интонацией отрезал Дэнни. – Ни за что! Вот уж на что я нагляделся, пока был маленьким! Так что, будь милосердна, уволь!..

Я почувствовала себя вконец обессиленной.

– Почему ты говоришь о ней с таким... пренебрежением? – недоуменно спросила я.

– Ты была маленькой. Ты не помнишь, как это было, – с нотой покладистости, будто пожалев, что обидел меня в моем душевном порыве, вздохнул Дэнни. – Лиза была их маленькой принцессой. Богиней скрипки. Мы с тобой не шли ни в какое сравнение. Не котиrowались. – Он ухмыльнулся.

– Мне так никогда не казалось.

– Тебе было всего два года, когда она умерла. Так что ты еще везунчик! – Я уловила в интонации Дэнни горечь. – Мир вертелся вокруг нее. А когда она покончила с собой, то и родителей за собой утянула. Они превратились в зомби. Мы же с тобой были вынуждены заботиться о себе сами. – Он покачал головой и посмотрел на книгу, лежавшую в гамаке. – Все эти разговоры о прошлом... совершенно бессмысленны. – Он сделал жест в сторону сумки, в которую я убрала фотографию. – Почему тебе так нравится жить прошлым?

– Мне не нравится.

– Ты рассматриваешь эти старые фотографии. Какой в этом смысл?

Я отвернулася от него и посмотрела на лес.

– Потому что мне очень одиноко, Дэнни, – сказала я наконец, поворачиваясь к нему. – Я скучаю по нашей семье. Я бы хотела, чтобы мы с тобой стали ближе друг другу, но ты даже не отвечаешь на мои звонки. Я обещаю, что не буду говорить насчет дома, правда! Я уже поняла, что тебе это не нравится. Но можем же мы хотя бы проводить вместе немного времени? Хотя бы пока я здесь?

– И чем мы будем заниматься?

– Да чем угодно! – Я начала раздражаться. – Можем пойти в кино, или поужинать вместе, или... ты можешь отвести меня в свой любимый бар. – Черт. Я вспомнила, что его выгнали из его любимого бара, и пожалела, что ляпнула невпопад об этом. – Мы могли бы сходить куда-нибудь с Гарри и его женой. Как-нибудь вечером. Или ты мог бы познакомить меня со своими друзьями.

– Большинство моих друзей – из Интернета.

– Ну, тогда ты мог бы мне о них рассказать.

Дэнни улыбнулся снисходительной улыбкой старшего, выдавшего виды брата, вразумляющего сестру, которая берет на себя много лишнего:

– Ты пытаешься слепить из меня какого-то другого человека, Райлс.

– Да, наверное... – Я не могла не признать, что он прав. – Я буду над этим работать... то есть чтобы никого из тебя, как ты говоришь, не лепить... Но можем же мы хоть изредка видаться? Мы могли бы делать это на твоих условиях – будем делать все, что тебе нравится. Только вместе. Хотя бы пока я здесь. Не каждую минуту, но хоть изредка?

– Читать? Гулять в лесу? Рыбачить? Напиваться в стельку?

– Представь, я тоже все это могу! – улыбнулась я, и правда на все готовая. – Или я могла бы стать твоим трезвым водителем.

– Да, могла бы... – сговорчиво кивнул Дэнни. – Но по мне, так лучше держаться реальности. И никаких старых фотографий. – Он кивнул на мою сумку. – Никаких видеокассет и историй о сексуальной жизни отца. Согласна?

– Согласна, – ответила я.

На том мы и порешили.

9

Я покинула поляну Дэнни и, свернув направо, выехала на гравийную дорогу, ведущую к трейлерному парку. Ладно, подумала я, с Дэнни можно справиться, если не заикливаться на прошлом. Я чувствовала радость, словно нашла к нему подход. Я не буду больше при нем вспоминать нашу семью. Хотя что-то мне подсказывало, что со своими друзьями он не прочь повспоминать свое армейское прошлое. Ладно, пусть прошлое останется в прошлом. Найду какой-нибудь фильм, который сможет его заинтересовать, и мы как-нибудь сходим на него вместе. Или приглашу его куда-нибудь на ужин. Будем разговаривать о книгах, если не найдем никакую другую безопасную тему. Глядишь, со временем он и впрямь переедет в Дархем, поближе ко мне. В конце концов, там намного больше служб для ветеранов.

Но я забежала вперед.

Трейлер отца стоял на своем прежнем месте, на первом из двенадцати участков парка. Когда-то его покрасили в белый цвет с единственной ярко-зеленой полосой на боку, теперь эта краска выгорела и приобрела желтоватый оттенок.

Я припарковалась на бетонной плите и уже собиралась выйти из машины, как опять раздался звонок. Я вытащила телефон и взглянула кто. «Дженни Лайонс» высветилось на экране. Вдохнув, я нажала на кнопку «Ответить». Лучше отделаюсь от этого побыстрее!

– Здравствуйте, Дженни.

– Привет, дорогая. Как оказалось, все сегодняшнее и все завтрашнее утро у меня сплошь забиты, но я смогу вырваться завтра днем. Кристин ждет не дождется встречи с тобой, но у нее тоже все под завязку до следующей недели. Но уже завтра я могу начать инвентаризацию всего, что есть в вашем доме, а потом можно будет начать...

– О, прошу прощения, – поспешила я остановить этот бурный поток ее речи, – но у меня на завтра есть кое-какие планы. – Я врала, мне просто хотелось хоть один денек провести дома без Дженни. – Может быть, на следующий день?

– Завтра у меня два клиента, которым я показываю квартиры. – В ее голосе чувствовалось недовольство. – Но тебе нужно поторопиться, иначе мы выставим ваш дом на продажу только к началу учебного года. Мы и так сильно опаздываем.

– Тогда, возможно, в четверг?

– Знаешь, – спохватилась вдруг Дженни, – тебе даже не обязательно самой там присутствовать! Поезжай по своим делам, а я приду днем, как освобожусь, и открою дверь своим ключом.

У нее есть ключ от нашего дома? Ах, да, что же тут удивительного... Но все равно это меня задело. Немного неприятно.

– Нет, Дженни. Я буду дома, – уверенно ответила я, – но мне нужно будет кое-что разобрать без вас. Просто давайте начнем всё дня на два позже.

Она вздохнула разочарованно.

– Хорошо. Но если передумаешь, дай мне знать.

Я отключилась и положила телефон в карман шорт. Как можно быть такой назойливой? Прихватив ключи от трейлера, я вышла из машины.

После нескольких попыток мне удалось подобрать к ржавому замку ключ, и дверь, скрипя петлями, отворилась. В трейлере была страшная духота и пахло плесенью. Чтобы как-то его проветрить, пришлось включить кондиционер, который, к счастью, еще работал. Несмотря на спертый запах, все здесь выглядело аккуратным. Узкая кровать была застелена изношенным синим покрывалом, а на встроенном столике у стены стоял одинокий CD-плеер. Я порылась в комод, в шкафу, в ящиках кухонных столов, но ничего не нашла, за исключением нескольких полотенец и какого-то тряпья. Рядом с дверью в туалет стояли две удочки. В мини-холодильнике оставались лишь две банки пепси и практически пустая бутылка шардоне. Никакой еды я не нашла ни в нем, ни в кухонных шкафах. Правда, в шкафах опознавались свидетельства того, что там не так давно поселились мыши.

На одном из дальних кухонных столов стоял маленький телевизор, а рядом выстроились в линию CD-диски, зажатые с двух сторон большими камнями. Виниловых пластинок здесь, к моему удивлению, не было. На стене над дисками висело приклеенное скотчем вырезанное из газеты объявление о концерте какой-то музыкальной группы. Рассмотрев снимок получше, я узнала четверых музыкантов с открытки, обнаруженной в фиолетовом конверте, который мне вручили в почтовом отделении Поллоксвилля. Какое странное совпадение, подумала я. Рядом висел детский рисунок с изображенными на нем двумя взрослыми и двумя малышами. Тут же по соседству была прикреплена фотография двух детей на карусели. Я сняла ее со стены, чтобы рассмотреть хорошенько: девочке можно было дать годика два, мальчик выглядел года на два постарше, оба рыжеволосые. По виду они были брат и сестра, но кто это? Если отец и в самом деле настолько сблизился с Дженни, может быть, это ее внуки?

Я прикрепила фотографию туда же, на стену, и взяла первый попавшийся CD-диск. Элиссон Краусс. Отец слушал блюграсс? Я достала еще пару дисков: Рики Скагс, Белла Флек.

У меня было ощущение, что я проникла в чужой дом. Этот трейлер не мог принадлежать отцу! Что-то не сходится, не увязывается... Я бросила взгляд на грязное окно – не

хватало еще, чтобы сюда в любую минуту ворвался владелец или съемщик трейлера с обвинениями, что я роюсь в его личных вещах! Собираясь уйти, я поставила диски на место, отключила кондиционер и вдруг заметила под телевизором видеопроигрыватель. Не веря своим глазам, я смотрела на него не меньше минуты, после чего отсоединила от телевизора, взяла под мышку и вышла из трейлера, закрыв за собой дверь.

Положив видеоплеер в машину, я решила пройти до Кайлов пешком. Однако прогулка оказалась довольно долгой. Под ногами поскрипывал гравий, между деревьями задувал ветерок. Парк был практически необустроен, зато его природная красота поражала. Видимо, это-то и привлекло отца. Между деревьями я заметила намного больше трейлеров, чем их было в последний мой приезд. В основном люди останавливались здесь на выходных. Проходя мимо участков, кое-где я слышала голоса и почувствовала запах жареного бекона – пьянящий и аппетитный.

Отец приехал в Нью-Берн, когда ему было за сорок. Он был еще довольно молод, чтобы уйти на пенсию из службы маршалов США. И неизвестно, почему он это сделал. Может быть, он устал или попросту ему надоели крысиные гонки Вашингтона? Они с мамой получили деньги в наследство, их было немного, но достаточно, чтобы после смерти Лизы перебраться сюда, где они могли начать все сначала. Но почему сюда? В любом случае теперь мне этого не узнать.

Я дошла до помятого фургона Кайлов и, когда заметила, что их машины поблизости нет, испугалась, что никого не застану дома. Однако, едва я приблизилась к трейлеру, дверь открылась, и под зеленый тент вышла Вернис Кайл.

– Здравствуй, Райли! – радушно поприветствовала она меня. – Как ты, дорогуша?

– Да все нормально. – Я улыбнулась. Мне нравилась Вернис. Такая милая! – У вас найдется свободная минутка?

– Конечно. Том рыбачит, а я всегда не прочь пообщаться. У тебя так красиво блестят волосы, когда на них попадает солнце!

– Спасибо, – ответила я, поднимаясь в трейлер.

– Хочешь, я приготовлю кофе, и мы посидим на воздухе?

Я выпила утром две чашки, но предложение мне понравилось – было бы неплохо поболтать о том о сем, попивая кофе. Вернис вызвала у меня совершенно другие чувства, нежели Дженни, хотя возраст у них был почти одинаковый. Честно говоря, мне нравилось, что она называла меня «дорогуша», пусть даже она обращалась так ко всем подряд, включая кассиров в супермаркете.

Взяв кружки с кофе, мы вышли и сели на перепончатые синие садовые стулья.

– Вам не бывает здесь одиноко? – спросила я, устраивая кружку на коленях.

– О, нет, – ответила Вернис, – ничуть не больше, чем любой другой домохозяйке. Мне нравится встречать новых людей в парке и тех, кто приезжает сюда из года в год. Встречи всегда радуют. Ну и я много работаю в церкви. Вот Том не чета мне, он не нуждается так сильно в общении.

Отхлебывая некрепкий кофе, некоторое время мы болтали о людях, приехавших в парк недавно, а потом я поставила кружку на пластиковый столик и достала из сумочки связку ключей.

– По пути сюда я заезжала к отцовскому трейлеру и вот о чем подумала: не хотели бы вы с Томом забрать его себе? – Я отсоединила ключ и положила на стол. – Он, конечно, не в самом лучшем состоянии, но вы, если что, можете его продать или сдать, или... – Я в нерешительности пожала плечами.

– А тебе самой он разве не нужен? – неуверенно спросила Вернис. – Или твоему брату?

– Дэнни от него отказался, – ответила я. – Мне он тоже не нужен. Я там все посмотрела и убедилась, что нет ничего, что бы мне захотелось из него забрать. Мне показалось, что папа в него давненько не заглядывал. Может быть, там жил кто-то другой, вы не знаете?

Вернис покачала головой.

– Насколько я знаю, нет. Твой отец приезжал в него не меньше двух раз в месяц. Ему, как и Тому, нравилось проводить время поблизости от воды.

– Кстати, насчет мистера Кайла, – сказала я, радуясь, что нашла повод. – Я тут просматривала чеки в бумагах отца и обнаружила, что он платил вашему мужу по пятьсот долларов каждый месяц. Не знаете за что? Возможно, папа ему задолжал, или что-то подобное?

Вернис посмотрела на меня с недоумением – я явно ее смутила.

– Ума не приложу, что это за деньги... А ты не ошиблась? Может быть, это... – Она замолчала и покачала головой. – Не имею ни малейшего представления, что бы это могло быть. Ты говоришь, он выплачивал их каждый месяц?

Я кивнула, уже сожалея, что рассказала Вернис об этих деньгах, – лучше бы сразу поговорила с ее мужем. У меня появилось чувство, что я сболтнула ей о чем-то, чего она не должна была знать.

– Я видела в трейлере удочки. Они не пригодятся мистеру Кайлу? – добавила я, чтобы сменить тему.

– Конечно. – Вернис кивнула, но во взгляде ее все еще сквозило недоумение. – Я скажу Тому, что он может осмотреть трейлер и взять все, что ему нужно.

Мы еще посидели в тишине, продолжая пить кофе.

– Вы вспомнили, с кем меня перепутали? – спросила я после паузы. – Когда подумали, что меня удочерили...

– О, только не говори, что все еще об этом думаешь! – разволновалась Вернис. – Мне надо было держать свой глупый рот на замке. Это же неважно, Райли, разве я не права? Удочерили тебя или нет – какая разница. Главное, у тебя были замечательные родители, и ты выросла чудесным человеком.

– И все равно у меня такое ощущение, будто вы считаете, что это правда.

Вернис отвела взгляд и стала смотреть на бухту. Ее взволнованное дыхание словно бы подтверждало, что мой вопрос задел ее за живое.

– Я расскажу тебе кое-что, Райли, – произнесла она медленно после некоторого раздумья: казалось, каждое слово давалось ей с невероятным трудом. – Не знаю, что подумали бы твои родители, когда б им стало известно, что я тебе это все рассказала, но я твердо верю – любой человек на твоём месте захотел бы это узнать. Я думала, твой отец тебе сам расскажет, но... видимо, не успел.

– О чем вы? – насторожилась я.

– Мы сразу признались нашему Люку, что усыновили его, – начала она. – А когда ему исполнилось девятнадцать, благословили на поиски его биологических родителей. Мы считали, что должны быть честны с ним, поэтому не имели от него никаких секретов. Я знаю, твои родители думали по-другому, однако...

– Вернис! – воскликнула я с раздражением. Том Кайл был прав, говоря, что она теряет последний рассудок.

Она посмотрела на небо сквозь нависшие над головой ветви деревьев и тяжело вздохнула:

– Ты хочешь знать правду?

У меня по спине побежали мурашки.

– Да, – выдавила я. – Только мне кажется, я ее знаю. Думаю, вы перепутали моих родителей с кем-то другим.

Вернис с задумчивым видом медленно провела рукой по шее и снова бросила взгляд на бухту.

– Я познакомилась с Томом в тысяча девятьсот восьмидесятом году, когда мне было тридцать два. В то время я работала диспетчером в одном из полицейских участков Мэриленда. Ну и работка, скажу я тебе! – Она печально улыбнулась. – Через год мы поженились и сразу стали думать о ребенке. Вскоре я забеременела. Мы были на седьмом небе от счастья, но на двенадцатой неделе у меня случился выкидыш.

– Какая жалость, – с сочувствием произнесла я, не совсем понимая, какое отношение это имеет к моей истории.

– Позже я опять забеременела, и у меня снова случился выкидыш. Пять раз, Райли. – Она посмотрела на меня с нескрываемой болью, которую, казалось, переживала до сих пор. – Это был кошмар. Потом наконец я доносила ребенка до срока, но она – это была девочка – родилась мертвой...

– О нет, – промолвила я. – Представляю, какой это был удар для вас. Ужасно.

– Ужасно – это значит ничего не сказать, – вздохнула Вернис. – Как раз вскоре после всего случившегося я и встретила твою маму... На одном из званых приемов. Том с твоим отцом вместе работали. Ты ведь знала об этом?

– Нет, – удивилась я. – Они вместе состояли на службе у правительства?

– Да.

– До недавнего времени я даже не знала, что отец был маршалом США – пока мне не рассказала его юрист.

– Правда? – Вернис покачала головой. – Похоже, в твоей семье... не очень-то любили откровенничать.

Я собралась возразить, но она была права, и поэтому я промолчала.

– Ну, так или иначе, – продолжила Вернис, – Том с твоим отцом работали вместе, и у них организовали... Я не помню точно... что-то вроде большого пикника на открытом воздухе. Мы все были приглашены. Том с трудом вытащил меня из дому. Я еще не оправилась после родов и едва передвигала ноги. Но почему-то пошла с ним. Если не ошибаюсь, твой отец был его руководителем, и, кажется, ожидалось, что там должны присутствовать... – она помахала рукой, – ну, все эти... Как они назывались? А, провожали на пенсию одного из маршалов, вот в честь него и организовали это мероприятие. Это был восемьдесят восьмой год. Или восемьдесят девятый. На лужайке были расставлены стулья, и получилось так, что мое место оказалось рядом с местом твоей мамы, которую я в то время совсем не знала. Я все плакала и плакала... А она, когда заметила, в каком я состоянии, вывела меня из этих рядов, и мы сели под деревом. Не переставая рыдать, я ей все рассказала. А твоя мама... она была очень доброй женщиной, выслушала меня с сочувствием – и я бы даже сказала, с состраданием – хоть я и была для нее совершенно чужим человеком. Ну ты же знаешь, как иногда две женщины могут сблизиться?

Я кивнула, внезапно почувствовав ком в горле. Как же мне не хватало мамы!

– После того как я призналась ей во всех своих несчастьях, она спросила, не рассматривали ли мы вариант с усыновлением. Я ответила, что нет, мы слишком стары для этого. Однако она покачала головой и рассказала...

– Что... рассказала?

– Как они с твоим отцом решили взять ребенка. Между Дэнни и Лизой была большая разница в возрасте, и им хотелось, чтобы Дэнни не чувствовал себя так одиноко. Вот они и обратились в частные службы по усыновлению. А вскоре узнали, что в Северной Каролине есть маленькая девочка, которую они и удочерили. Это и была ты.

Она с ума сошла? Или это и в самом деле правда?

– Как-то все это... Не могу в это поверить, – произнесла я как можно спокойнее, хотя оставаться спокойной было непросто.

– Твоя мама подарила мне надежду. Они уверяли, что все тебе расскажут, как только ты подрастешь. Но почему-то не сделали этого. Я понятия не имела, что тебе ничего не известно.

– Безумие какое-то, – проговорила я. Так вот почему у меня темные волосы и глаза.

– Мне так жаль, что я тебя расстроила. Поверь, я совсем не хотела, чтобы весь твой привычный мир перевернулся с ног на голову. Но как я уже сказала – это неважно, если...

– А вы точно уверены, что говорили именно с моей мамой, а не с кем-то еще?

– Дорогая, я никогда не забуду твою маму. Они ведь переехали сюда почти сразу, как потеряли твою сестру. И года не прошло. Надеялись скрыться от того кошмара... Но от некоторых вещей не сбежишь. – Вернис покачала головой. – Женщину, которая прошла через все то, через что прошла твоя мать, – так просто не забудешь.

– Я все еще не могу в это поверить, – пробормотала я.

Я и правда не верила в это. Родители всегда представлялись мне самыми открытыми людьми, как же они умудрились скрыть от меня такое!

– Думаешь, мне не стоило тебе рассказывать? Том сказал, что мне не следует в это лезть.

– Нет, хорошо, что вы мне все рассказали, просто... – Я пыталась успокоить взбудораженные мысли. – Нет, все-таки я сомневаюсь, что вы говорили именно с моей мамой.

Вернис улыбнулась.

– Понимаю тебя, – сказала она. – Я бы на твоём месте тоже засомневалась. Но это была твоя мама, честное слово. Это правда.

Я думала, меня вырвет, пока я доберусь до своей машины – запах жаренного на углях бекона, распространившийся по участку, преследовал меня всю дорогу. Мне хотелось уехать немедленно, но по пути я встретила Тома Кайла, возвращавшегося с рыбалки. В руках у него были удочка и ведро.

– Здравствуйте, мистер Кайл, – сказала я, когда он подошел достаточно близко. – Могу я задать вам один вопрос?

– О чем? – спросил он, чуть замедлив шаг. Похоже, его не обрадовал мой приезд, впрочем, как и недавно.

– Я узнала, что отец выплачивал вам по пятьсот долларов каждый месяц. Не скажете ли, что это за деньги?

– Сейчас это уже неважно, – ответил Кайл, не останавливаясь. Когда он поравнялся со мной, я почувствовала запах перегара, как и в прошлый раз, и подумала: может, у него проблемы с алкоголем?

– Том, – окликнула я его, и он повернулся. – Вы тоже считаете, что меня удочерили?

Он нахмурился.

– Я бы тебе посоветовал держаться отсюда подальше, – с неудовольствием бросил он мне. – И особенно подальше от Вернис. Она и так почти выжила из ума, а когда видит тебя, то и вовсе расстраивается.

– О чем вы?! – воскликнула я. – Если кто и должен расстраиваться, так это я.

– Просто держись отсюда подальше, о'кей? Для собственного же блага.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но он повернулся и пошел к трейлеру, оставив мне больше вопросов, чем ответов.

10

Всю дорогу до своей машины я только и думала, что мне обязательно нужно поговорить с братом. Дэнни было четыре, когда я родилась, значит, ему известно – усыновили меня или нет. Но я не могла поехать к нему сейчас – я ведь пообещала не ворошить прошлое нашей семьи! Так что... пересилив свое желание, на выезде из парка я повернула налево и поехала домой, минуя трейлер Дэнни.

Как же было странно ощущать себя чужой в нашей семье – внешне я не похожа ни на кого из своих родных, выходит, и гены у меня совершенно другие. Вернис Кайл была абсолютно убеждена, что говорит мне правду. И при этом она отнюдь не производила впечатления потерявшей рассудок. Напротив, она вела себя со мной по-честному и видела в честности доброту. Как психолог, я не могла с ней не согласиться – правда всегда лучше лжи. Но как Райли Макферсон, которую в последнее время довольно часто подводило здравомыслие, я не была уверена в правильности ее действий.

Дома первым делом я попыталась подключить к новенькому широкоформатному телевизору старый видеоплеер, но для этого мне сначала понадобилось выйти в Интернет. Я принесла в гостиную ноутбук, положила на стол и, открыв, машинально сделала в поисковой строке Гугла запрос: «Как узнать, что тебя усыновили». Один из сайтов тут же выдал ответ: «Поговорите с вашими родственниками». Разумеется, я бы поговорила, но у меня их нет! Единственная надежда на Дэнни. Следующее предложение было: «Поищите записи о вашем рождении». Легко сказать, но записи о рождении не хранятся так просто на сайтах. «Проверьте место рождения в своем свидетельстве». Мое свидетельство о рождении осталось у меня в квартире в Дархеме, к тому же я не знаю, где оно там лежит. Кажется, в последний раз я держала его в руках подростком. Не помню, чтобы я в нем обнаружила что-нибудь необычное.

Закончив поиски в Интернете, я села у ноутбука, сложив на коленях руки – настраивалась на предстоящий просмотр кассет. Я немного нервничала – как я отреагирую на эти записи? Какой увижу сестру? Я ведь ее совсем не помнила. Она всегда была для меня девочкой с фотографии, но сейчас... Я боялась, что мне станет еще больнее и еще более грустно от сознания своей потери. Дэнни жаловался, что ему слишком часто приходилось слушать, как Лиза играет. Ну а я, наоборот, с радостью бы отдала год жизни, лишь бы услышать ее хоть раз!

Согласно инструкциям в Интернете мне нужно было подсоединить видеомагнитофон к телевизору специальным кабелем, который, как я догадывалась, мог храниться на кухне, в ящике, набитом разным хозяйственным барахлом. Я пошла в кухню и стала там рыться. Найти нужный кабель в ворохе всевозможных других проводов оказалось не так-то просто. Наконец я нашла то, что мне было нужно, вернулась в гостиную, подсоединила видеомагнитофон к телевизору и, вставив самую старую кассету, датированную 1980 годом, нажала на кнопку «Воспроизвести».

Как только видео началось, я машинально пересела на край дивана, сжимая в руке пульт. Картинка была зернистой, но все же я смогла разглядеть девочку на огромной сцене – она приготовилась играть на скрипке, зажав инструмент между плечом и подбородком. Она казалась такой маленькой, что мне с трудом верилось, что это Лиза. Но вот она заиграла, камера приблизилась, и я смогла разглядеть ее светлые волосы и лицо. Из-за плохого качества пленки черты были нечеткими. И тем не менее теперь я могла представить себе, какой была моя сестра в 1980 году. Она выглядела худенькой и хрупкой, но по-взрослому сосредоточенной. Отрывок, который она исполняла, был мне незнаком, но, как я поняла, он был очень сложным. От всего этого у меня слезы навернулись на глаза.

Я пересела на пол, к телевизору, словно это могло помочь мне стать ближе к сестре. Горло сжималось от боли. Какой же надо было быть смелой, чтобы стоять вот так перед большим залом!.. Я не могла видеть зрителей, но и без этого знала – их было много, сотни людей. Дэнни тогда еще не родился, и я подумала: а не могло ли все то, что он наблюдал потом с Лизой, пробудить в нем зависть? Он видел ее успех в своем столь нежном возрасте! А она... Успех был ношей, которую она несла на себе, и под этим прессом она находилась всю свою короткую жизнь. Теперь я поняла это.

Видео с нарезкой из разных концертов и репетиций длилось чуть больше часа, но я, как замороженная, не могла отвлечься ни на секунду. В некоторых отрывках Лиза выступала с другими детьми, причем среди них она была самой маленькой – и оттого особенно хрупкой. На одной записи она была единственным ребенком в окружении взрослых скрипачей – и смотреть на это было тяжелее всего. Лиза играла очень уверенно, но все же в ней чувствовалась уязвимость и невинность семилетней девочки. Насколько сильно давило на нее окружение взрослых? – невольно подумалось мне. Или, может быть, она все же делала то, что ей нравилось? Смогла ли она хоть немного насладиться детством?

– Бедная малышка... – прошептала я, прикасаясь к экрану.

Кассета закончилась, и я, чуть помедлив, вставила следующую, с пометкой «Римский музыкальный фестиваль, июнь 1987». Лизе было тогда четырнадцать. Качество видео оказалось намного лучше, и снимал, судя по всему, профессионал. Начало съемок, похоже, проходило в каком-то аэропорту. Группа энергичных подростков заняла места в зале ожидания, кто-то сидел, кто-то стоял – все смеялись и балагурили. Среди незнакомых лиц я искала лицо сестры, но не находила. На экране мелькали то лица детей, то недовольные физиономии взрослых, которых, кажется, раздражал галдеж и шум. Как я поняла, все эти подростки учились с Лизой в одной музыкальной школе и были примерно одного с нею возраста – именно с такими я чаще всего имею дело на своей работе. Тридцать или сорок ребят целиком заполнили собой зал ожидания, валяя дурака и болтая. Наблюдать за ними было довольно забавно, но меня интересовала сестра, которую я никак не могла отыскать посреди этого веселого неугомонного стада.

Вдруг на экране появился темноволосый мужчина и поднял руку. Подростки, как по волшебству, затихли, приняли благопристойный вид и обратили к нему свои лица. Мужчина был высоким и стройным, с тонкими и острыми чертами, которые, как ни странно, не делали его красивым. Едва заметно кивнув, он дал детям знак, и те, вынув из футляров инструменты – скрипки, альты, виолончели, – заиграли. Я не знала, что это за мелодия, но едва она, веселая и бойкая, разлилась по залу ожидания, как пассажиры, сидевшие до того с кислыми лицами, заметно оживились и стали улыбаться, а кое-кто даже захлопал.

Наконец я заметила Лизу. Она стояла в стороне и почти не попадала в кадр. Я узнала мальчика рядом с ней – того самого Мэтти с темными кудрявыми волосами. Когда мелодия закончилась, дирижер или учитель – не знаю, кем он там был, – сделал ей знак, и она вышла вперед. Затем мужчина поднял дирижерскую палочку, и Лиза начала играть. Она была необыкновенно хороша. Такая красавица! И очень походила на Дэнни. Черты ее лица были нежными и тонкими, однако, когда она прижимала к себе скрипку, вся ее хрупкость куда-то испарялась. Инструмент был полностью в ее власти. И это выглядело действительно гениально. Ее невероятный талант просто разрывал душу. Я же не могла отделаться от мысли: как дорого обошелся ей этот талант. Она заплатила за него всем, что у нее было.

Я прокрутила видео вперед и снова увидела на кадрах толпу подростков: расположившись перед фонтаном Треви, они вели себя как придурки, галдели и веселились. Там же, но чуть в сторонке, я заметила и сестру с Мэтти. Посмеиваясь, они о чем-то разговаривали и совершенно не выглядели частью толпы. После этого пошли кадры, как юные музыканты с сотней других скрипачей и виолончелистов выступают перед зрителями в каком-то огром-

ном старинном здании с толстыми колоннами и настолько высокими потолками, что они не попадали в кадр. В какой-то момент от группы ребят, как и в аэропорту, снова отделилась Лиза и стала солировать. Она была одета во все белое и походила на ангела, спустившегося с небес. Между нею и дирижером, стоявшим на переднем плане на значительном расстоянии от нее, казалось, была протянута невидимая нить – настолько они были связаны. Эту музыку я узнала – то был скрипичный концерт ми минор Мендельсона. Отец постоянно его слушал. Всякий раз, как эта мелодия звучала в нашем доме, я приходила в восторг, но сейчас, когда я слышала, как ее исполняет Лиза, меня обуревали совсем другие чувства. Я сглотнула ком в горле, желая одновременно и выключить видео, и продолжить проигрывать его дальше. Когда камера сфокусировалась на сестре, я приблизила лицо к экрану и увидела ее длинные светлые ресницы и нежную морщинку между бровей, словно музыка причиняла ей боль. Как же мне не хватало Дэнни в эту минуту! Мне так хотелось разделить с ним свои чувства...

Я досмотрела первую часть концерта, но потом все же прервала просмотр: слезы сами собой лились и лились из глаз, и мне не удавалось унять их. И душило чувство утраты. Я потеряла сестру – потеряла ее сейчас, услышав ее игру и увидев ее на пленке живую. Ну как так могло случиться, что мы не встретились? Мне выпало всего несколько часов видеозаписи прошлого, но ощущение было таким, точно минул месяц – настолько я изменилась за эти мгновения. Да, я Лизу не знала. Но она очень повлияла на мою жизнь, и сейчас любовь к ней переполняла меня. Я осознала, что до настоящего момента во многом придумывала ее себе. Мне и в самом деле пришлось представлять, какая она была. Но теперь я увидела ее, ее фигурку, лицо и поняла, что все не так просто. За красотой игры было видно, как много она работала. И это ребенок! Совсем маленький на первой кассете – и полный надежд подросток на второй. Люди, слушавшие ее, могли оценить лишь талант, мастерство. Но разве же кто-то знал, что творилось в ее душе и сердце, пока она шлифовала игру?

Из-за чего же она сломалась? Из-за дирижера, который требовал от нее совершенства? Или из-за родителей? Может быть, бремя славы оказалось для нее непосильным? Я запустила пальцы в волосы, и слезы снова наполнили мои глаза. Как бы я хотела ее обнять! Крепко-крепко. Я бы сказала ей, что она не обязана быть совершенной – ей достаточно быть просто Лизой. Мне хотелось прикоснуться к тому хрупкому юному ангелу и шепнуть: «Держись, все будет хорошо».

11

– Чего только не покупают люди на распродажах имущества! – воскликнула Дженни, когда мы перебирали в столовой мамин фарфор. – Кристин захочет, чтобы ты и это оставила! – Она показала на старую зеленую тарелку в моей руке, однажды кем-то разбитую, а потом склеенную.

– Неужели битые тарелки кого-то интересуют? – не поверила я.

– Представь себе, – ответила Дженни. – Художники делают из таких вещей бижутерию и много чего еще – тебе бы и в голову не пришло. Поэтому оставляем всё! Эти коробки тебе не понадобятся? – Она указала на три пустые коробки.

Я притащила их из подвала, намереваясь заполнить вещами, которые планировала отдать на благотворительность, о чем и сообщила Дженни. Но у нее возникла другая идея.

– Сначала я хочу хорошенько рассмотреть коллекции. Надо понять, каких оценщиков приглашать, – сказала она. – Если есть что-то, что захочешь оставить себе, сразу отложи в сторону – отведем этим вещам специальное место. Ну хоть в кабинете. А пока можно заняться бумагами, которые хранятся в шкафах в гостиной. – Она взяла у меня зеленую тарелку и поставила обратно в шкаф. – Пойдем посмотрим, что там, – и она потянула меня за собой в гостиную.

Встав посреди комнаты – руки на бедра, – Дженни окинула единым взглядом десять встроенных в стену шкафов, расположенных по периметру. Они замыкали собой почти все помещение.

– В основном твой отец хранил здесь свои страховые бумаги и еще массу всего ненужного. Так что все это можно будет пропустить через бумагоизмельчитель. Ты как раз можешь этим заняться.

– Хорошо... – Я побаивалась даже открывать эти шкафы: мне приходилось видеть, как папа засовывал в них бумаги, будто выбрасывал.

– Только взгляни на эти гортензии! – Дженни подошла к окну, из которого был виден двор. – Твой отец их очень любил, – сообщила она, – жаль, что он не дожил до этого лета. Он так его ждал! Его любимое время года...

Я не знала этого об отце, и мне было неприятно осознавать, что Дженни известно о нем больше, чем мне. Но я сегодня настроилась быть с нею милой, коли уж нуждалась в ее помощи.

– Что за?! – воскликнула вдруг она, заметив, что в шкафу с коллекцией трубок отсутствуют стеклянные дверцы. – Где стекло?

Я думала было соврать, но в итоге решила рассказать все как есть.

– Недавно здесь был Дэнни... Его что-то... расстроило, и он шарахнул по шкафу бутылкой из-под пива, – честно призналась я.

– Какой ужас! – возмутилась Дженни. – А твой отец утверждал, что Дэнни не склонен к вспышкам злобы, вполне нормальный.

– И это действительно так. – Я вспомнила, как Дэнни рассказывал мне, что специально изображал перед ней неуравновешенную личность. – Он тогда просто рассердился. Дэнни никогда не навредит человеку.

– Вы близки?

– В детстве были близки. Но с возрастом он стал скрытным, и мы почти перестали общаться. Боюсь, что он, как отец, стал интровертом. – Мне очень не хватало того Дэнни, каким он был в детстве.

– Не думаю, что отец твой был таким уж интровертом, – не согласилась со мной Дженни.

Я заставила себя улыбнуться: меня все больше царапало, что она на каждом шагу демонстрировала, что знала отца лучше меня. Это выглядело как хвастовство.

– Наверное, мы просто видели его с разных сторон, – дипломатично заметила я.

Теперь улыбнулась – или заставила себя улыбнуться – Дженни.

– Главное, мы обе знаем, каким хорошим он был человеком.

Не согласиться с этим я не могла.

Дженни подошла к шкафу с трубками и вынула одну из подставки.

– Вот эта меня всегда привлекала, – сказала она.

Трубка была вырезана в форме птичьей головы с взъерошенными перьями и зелеными бусинками вместо глаз. Я заметила, что руки Дженни дрожат. Интересно, невольно подумала я, она нервничает или просто плохо себя чувствует? Как бы то ни было, эта маленькая слабость, подмеченная мною, неожиданно заставила меня проникнуться к ней симпатией. Никогда не знаешь, с какими демонами приходится человеку бороться.

– Хотите взять ее себе? – предложила я.

Дженни удивилась.

– О, нет! Что я буду с ней делать? Хотя, должна признаться, я все еще не могу переварить тот факт, что Фрэнк оставил коллекцию Кайлам.

– Я думаю, они много помогали ему с парком и...

Дженни с отвращением фыркнула:

– Вот что я тебе скажу... Я не люблю сплетничать, но тебе следует знать, почему я так к этому отношусь. На самом деле – Том Кайл был в долгу у твоего отца, а не наоборот.

– Это как?

Дженни осторожно положила трубку на место в шкаф.

– Твой отец был его руководителем, когда они состояли в службе маршалов США, – начала она. – У Тома случился роман с клиенткой, которую он должен был защищать, и Фрэнк об этом узнал. Он мог тогда уволить Тома, но не сделал этого. Более того, он помог ему это скрыть. И благодаря ему Том сохранил тогда свою работу и, возможно, даже брак. Так зачем твоему отцу...

– ...нужно было каждый месяц давать Тому по пятьсот долларов?

Дженни метнула на меня быстрый взгляд, и я заметила в ее глазах искры гнева.

– Твой отец мог бы и мне давать такие деньги, раз уж ему не терпелось с ними расстаться, – с горечью высказалась она. – Ипотека скоро загонит меня в гроб. Я думала, что после шестилетних отношений... – Дженни покачала головой. – Извини меня... – Она провела рукой по лбу. – Говорю как есть.

Теперь мне было понятно, почему она с таким равнодушием восприняла новость, что отец оставил ей фортепиано и десять тысяч долларов. На моем же счете скоро будет сто тысяч.

– Мне очень жаль, Дженни, – проговорила я. – Может быть, я могу вам чем-то помочь? Папа оставил мне гораздо большую сумму, чем мне требуется в данный момент, и...

Дженни взяла меня за руку.

– Даже не думай об этом, дорогая. – Черты ее лица смягчились. – Прости, что потеряла самообладание. У меня все хорошо, честное слово. Я бы просто хотела понять, почему он так высоко ценил Тома и Вернис?

– А вы знакомы с Вернис?

– Не совсем. Они какие-то себе на уме.

– Она утверждает, что меня удочерили.

Дженни округлила голубые глаза.

– Что? – поперхнулась она и кашлянула. – Да она в своем ли уме?

Мне показалось или она побелела?

– Вернис сказала, что ей в этом призналась моя мама.

– Да они ведь даже знакомы-то не были! – Дженни нахмурилась и снова достала из шкафа трубку, пальцы ее дрожали.

Я не сразу решила продолжить разговор:

– Вернис с этого и начала. Они были совсем незнакомы. Но она увидела ее на приеме. Кого-то провожали на пенсию, и их места за столом оказались рядом. Вернис была подавлена; ребенок, которого они так ждали, родился мертвым. Вернис поделилась этим горем с мамой – а она и сказала ей, что я у них приемная дочь, и посоветовала сделать то же, взять чужого ребенка на воспитание, усыновить, возраст, требующийся по формальностям, еще позволял... Таким образом моя мама вдохновила Тома и Вернис на то, чтобы усыновить Люка.

– Нелепость какая, – протянула Дженни. – Это просто нелепость! Сама подумай, даже если бы это было правдой, твоя мать не стала бы рассказывать об этом первому встречному! Господи, да ты же знаешь, какой она была скрытной!

– Кажется, этого я тоже не знаю, – пожала я плечами. – Со мной она была...

– Послушай, Райли, я была лучшей подругой твоей матери, мы дружили со школьных лет. Но она все равно не рассказывала мне и половины того, что с ней происходило! Поэтому сама мысль, что она признается в чем-то настолько личном совершенно незнакомой ей женщине, просто глупа.

– Возможно... – уклончиво отозвалась я.

Я почувствовала облегчение, но главным образом из-за того, что мама не всегда была откровенна с Дженни. Кто знает, может быть, в тот момент она дала слабину, была тронута несчастьем Вернис и захотела ей как-то помочь? Вернис такая милая, и мне было понятно, почему мама решилась довериться ей.

– Ну, хватит всей этой чепухи! – воскликнула Дженни и, взяв блокнот, подошла к банкетке перед фортепиано, потрогала и двинулась дальше. – Теперь мне нужно осмотреть дом и составить список того, что следует сделать в первую очередь. Пойду взгляну на коллекции наверху. Жду не дожусь, когда вы познакомитесь с Кристин. Вы точно друг другу понравитесь. Кстати, она знает, как оценивать вещи и как сделать рекламу для успешной распродажи имущества. Я тебе уже говорила, – зачастила она в своей энергичной манере.

– Если вам понадобятся ключи от шкафов, то я их нашла. Они наверху. – Я вспомнила про ключ от трейлера, который оставила Вернис. – А вы не знаете, папа давал кому-нибудь свой трейлер?

– Боже, конечно нет! Он обожал эту старую развалюху. Называл ее своей берлогой. И даже меня в нее не пускал.

– Странно, – произнесла я задумчиво. – У него там куча CD-дисков. Причем в основном блюграсс и кантри. Вы знали, что отец слушал блюграсс?

– Нет, – призналась Дженни. – Думаю, поскольку это не моё, он этого и не слушал при мне. Твой отец был человеком разносторонних вкусов. – Она взглянула на меня. – Но мы ведь уже выяснили, что ты не очень хорошо его знала.

Это была и не подколка даже, а самая настоящая оплеуха, и вся моя симпатия к этой женщине окончательно испарилась. Она мне не нравилась! И я ей не доверяла – просто не могла доверять.

– Ну, – Дженни взяла меня за руку и подвела к стене из шкафов, – ты пока разбирай бумаги, а я пойду наверх.

Выглядело это так, будто она указывала мне, что делать. Но, с другой стороны, мне было совершенно неважно, с чего начинать работу. С бумаг так с бумаг. Сьюзен предупредила меня, чтобы я сохранила все счета за три года, поэтому остальное я смело могла выбросить. Как только Дженни ушла, я открыла первую дверцу и невольно вскрикнула – на колени мне повалился поток документов. Чтобы уничтожить это море макулатуры, понадобится просто сверхмощный бумагоизмельчитель! Тяжело вздохнув, я принялась складывать все в одну кучу. Было бы ужасно неприятно, если бы в ворохе этого хлама, которым набиты все десять шкафов, оказались погребенными мои документы по удочерению. Хорошо бы, если бы их там не было.

Приблизительно час спустя, когда у меня уже все плыло перед глазами, я услышала странный звук наверху, точно кто-то осторожно открыл или закрыл ящик. Она что, в спальне отца? Я встала и неслышно прошла к лестнице. Если бы Дженни громко открывала и закрывала ящики, мне бы и в голову не пришло насторожиться, но меня смутил именно этот воровской звук, точно она боялась, что я его услышу. Мне стало любопытно, и я начала подниматься по ступенькам.

Когда я дошла до последней ступеньки, Дженни как раз вышла из папиной спальни и, увидев меня, вздрогнула.

– О! – выдохнула она, схватившись за горло. – Ты меня напугала.

– Решила посмотреть, как у вас тут идут дела, – сказала я, хотя на самом деле меня подмывало спросить у нее, что она потеряла в ящиках моего отца.

– Хорошо, – кивнула она, видимо, понимая, что ей придется объясниться. – Я искала кое-что, что мне нужно было забрать. – Дженни сделала жест в сторону спальни.

Наверх она уходила с блокнотом, но теперь вместе с ним держала в руке белую коробку, которая по размеру могла быть как коробкой для мужских сорочек, так и коробкой для хранения документов. Дженни прижала ее к груди вместе с блокнотом.

– Я вижу, вы нашли то, что искали. – Я показала на коробку, и Дженни взглянула на нее так, будто только увидела.

– Да, – сказала она. – Здесь парочка вещей, которые я забыла. Так... старье. Просто показывала твоему отцу. – Она нервно засмеялась, и мне невольно стало ее жаль. Судя по тому, как она покраснела, в коробке лежало откровенное неглиже или даже что-то похуже. Я вспомнила, как Сьюзен рассказала, что нашла у своего умершего отца порно, – мне очень хотелось надеяться, что ничего подобного у моего не было.

– Ну так что с коллекциями? – спросила я, спускаясь по ступеням. Дженни не отпустила коробку, даже чтобы взяться за перила. – Кстати, бумаг в шкафах оказалось столько, что потребуется не меньше недели на их сортировку, – добавила я.

– Могу представить. – Она остановилась на последней ступеньке. – Нужно, чтобы кто-нибудь оценил трубки, прежде чем отдавать их Кайлам. И, боже мой, – она усмехнулась, – нужно хотя бы приблизительно понять, сколько у него виниловых пластинок, – и только потом сообщать о них Кристин. Не знаешь, может быть, у него еще где-то хранятся вещи? Например, на чердаке?

– Вряд ли, – ответила я, хотя понятия не имела, что творилось на чердаке – хранилось ли там вообще что-нибудь.

Какое-то время мы работали молча – я разгребая бумаги, Дженни – разбирая музыкальные альбомы. Голова моя шла кругом от обилия дат на медицинских счетах и выписках из банка.

– Кажется, на сегодня с меня достаточно, – выдохнула я, поднимаясь с полу. – Может быть, по бокалу вина?

Дженни устало вздохнула.

– Пожалуй, соглашусь лишь на полбокала. Если выпью больше – засну по дороге.

Я прошла на кухню за бокалами. А следом за мной появилась Дженни. Пройдя мимо меня, она скрылась за дверью ванной, и я снова подумала: как же хорошо она знает дом.

Дженни все еще была в ванной, когда я принесла бокалы в гостиную и заметила на подставке, рядом с коллекцией трубок, ее блокнот и коробку. Закусив губу, я с любопытством смотрела на нее, отчетливо понимая, что не очень-то хочу знать, что там. Вдруг Дженни что-то украла? Она сама призналась, что ей нужны деньги, и злилась на отца за то, что он не оставил ей больше. К тому же она провела наверху целый час.

Я прислушалась к звукам в ванной: за дверью была тишина. Тогда я осторожно убрала с коробки блокнот и приподняла крышку. Внутри лежали пожелтевшие вырезки из газет, на одной из которых значился заголовок:

«ЛИЗА МАКФЕРСОН СЧИТАЕТСЯ ПОГИБШЕЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО САМОУБИЙСТВА»

– Господи! – воскликнула я сдавленно.

Зачем он хранил эти статьи? Бедный отец, бедная мама. Каково им было знать, что они не удержали дочь от самоубийства?

Я услышала, как открылась дверь ванной, но даже не сдвинулась с места, когда Дженни вошла в комнату.

– Райли, нет! – Она подбежала ко мне.

Схватив коробку, я повернулась спиной к ней, и Дженни беспомощно опустила руки.

- Дорогая, не надо было этого делать. Ничего хорошего из этого не выйдет.
- Зачем он их хранил? – спросила я, снова заглядывая под крышку.

Взяв верхнюю вырезку со статьей о предполагаемом самоубийстве, я замерла с поднятой рукой: мне бросился в глаза еще один заголовок, напечатанный крупным шрифтом. Смысл слов до меня дошел не сразу:

«ЛИЗА МАКФЕРСОН, ОБВИНЯЕМАЯ В УБИЙСТВЕ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО МЕРТВА»

12

Я медленно повернулась и посмотрела на Дженни. Она стояла, прижав руки к лицу, и в глазах ее блеснули слезы.

– Что это? – прошептала я, показывая на коробку, в которой лежала статья, озаглавленная «Лиза Макферсон, обвиняемая в убийстве, предположительно мертва».

Дженни осторожно забрала у меня коробку.

– Он не хотел, чтобы ты знала. Я надеялась, что мне удастся вынести ее из дома, прежде чем ты на нее наткнешься, но я не знала, где твой отец ее прятал. Я так волновалась, что ты... – Она покачала головой. – Ее нужно просто выбросить. Не стоит тебе в нее заглядывать, Райли. Твоему отцу бы очень не понравилось, если б он узнал, что ты ее нашла.

Она говорила очень быстро, стараясь заболтать меня и отвлечь от коробки. Но я снова потянулась к ней и вытащила статью, в которой мою сестру называли убийцей.

– Я не понимаю, – медленно проговорила я, перечитав заголовок. – Совершенно ничего не понимаю.

– Я знаю, – поспешила продолжить Дженни, – что тебе говорили, будто бы она покончила с собой из-за депрессии и усталости. Твои родители не хотели, чтобы ты знала правду.

– Какую... правду? – Я снова взяла коробку и перенесла на стол. Сев, я стала перебирать статью за статьей, каждый заголовок буквально кричал словами: «Убийство», «Убийца», «Убила».

– Они именно поэтому сюда переехали после смерти Лизы. – Дженни прошла к банкетке возле фортепиано и села. – Они хотели увезти вас с Дэнни подальше от всего этого, от всех этих обвинений. Считали, что будет лучше, если ты вырастешь там, где тебя никто не будет называть сестрой убийцы.

Я посмотрела на Дженни.

– А она?.. Она и в самом деле кого-то убила? Кого? Почему?

– Это был несчастный случай. – Дженни сжала руками голову. – Ты не представляешь, как бы расстроился твой отец, если б узнал, что ты обо всем этом узнала.

– Расскажите мне, – попросила я.

– Лизу должны были судить, – сдавленно, преодолевая себя, начала Дженни. – И она думала, что проведет остаток жизни в тюрьме, потому что ей грозило обвинение в убийстве «умышленном и запланированном». Ей бы и в самом деле дали пожизненный срок, если бы доказали вину. Но мне кажется, она покончила с собой просто потому, что не могла продолжать жить после всего случившегося, нести все это в себе. Семнадцатилетняя девчонка – совсем ребенок! Боюсь, она просто не сумела справиться с чувством вины.

– Боже. – Мне казалось, я не выдержу свалившегося на меня груза открывшихся фактов. – Кто этот человек? Кого она убила?

– Его звали Стив Дэвис, – ответила Дженни. – Он учил ее играть на скрипке.

Я ахнула, вспомнив высокого стройного дирижера из видео. Это о нем говорила Дженни.

– Лиза и правда была зла на него из-за того, что могла не попасть в Джуллиард. Но она бы не стала его из-за этого убивать! – сказала Дженни. – Она была тихой, воспитанной девочкой. И не смогла бы никого убить, тем более намеренно! Мы просто не могли в это поверить.

Все это и впрямь казалось невероятным. У меня возник миллион вопросов, в которых я захотела разобраться. Я порылась в пожелтевших вырезках и достала одну с фотографией Стива Дэвиса. Да, это был он, тот человек с видео. Прижав руку ко рту, я стала читать статью, а Дженни молча наблюдала за мной.

«Лиза Бет Макферсон, семнадцатилетняя скрипачка, ожидавшая суда за убийство своего учителя скрипки, Стива Дэвиса, пропала и считается погибшей. Ее желтый каяк был найден в замерзших водах реки Потомак рядом с парком Форт-Хант в Александрии в понедельник утром, а белую «Хонду Сивик» обнаружили припаркованной на обочине дороги южнее гавани Бэлль-Хейвен. В машине мисс Макферсон не было ничего, кроме ее школьной сумки и кошелька, в котором лежали водительское удостоверение и немногим более тридцати долларов наличными. Принадлежавшую ей синюю куртку подобрали в замерзших камышах неподалеку.

Отец Лизы Макферсон, Фрэнк Макферсон, связался с полицией около восьми утра в понедельник, обнаружив в комнате дочери ее прощальную записку. Содержание записки не было обнародовано, однако представитель полиции заявил, что мисс Макферсон говорила в ней о желании покончить жизнь самоубийством. У отца девушки нет сомнений, что записка написана ее рукой. Остальных ее родных – матери, младшего брата и сестры в то утро в городе не было.

Лизу Макферсон отпустили под залог после того, как в октябре этого года она убила сорокадвухлетнего Стива Дэвиса. Суд над совершеннолетней девушкой должен был начаться в эту среду, и предполагалось, что она будет давать показания о том, что выстрелила в жертву случайно. Считается, что мотивом преступления послужило оскорбительное письмо Дэвиса о своей ученице, которое тот послал своему коллеге в музыкальный колледж Джуллиард, в который Лиза Макферсон планировала поступить. Дэвис был ее учителем на протяжении всей ее музыкальной карьеры, однако последние несколько месяцев мисс Макферсон с ним не занималась и брала уроки у скрипачки Национального симфонического оркестра Катерины Торо.

Знакомые девушки утверждали, что с момента ареста она находилась в глубочайшей депрессии. Узнав о предположительном самоубийстве своей ученицы, Катерина Торо обратилась в прессу со следующим заявлением: «Это большая трагедия. Лиза была самой одаренной студенткой из всех, что мне когда-либо приходилось обучать. И ее ждало блестящее будущее. Я уверена, что она выстрелила случайно. Лиза была очень чувствительной девушкой, мне даже трудно представить, насколько тяжело она переживала случившееся. Тем более что мне известно, с каким уважением относилась она к своему учителю».

На момент происшествия Стив Дэвис проживал в Маклине с женой Сондрой Линн Дэвис, где преподавал в университете Джорджа Мэйсона. Детей у пары не было.

Поиски тела Макферсон продолжаются».

Я смотрела на статью, пытаюсь ее осмыслить.

– Я всегда думала, что она покончила с собой из-за того, что не выдержала напряженной работы на пути к успеху, и из-за волнений перед поступлением в Джуллиард, и... – Я посмотрела на Дженни. – Так это все правда?

Она кивнула:

– Боюсь, что да. Я довольно близко ее знала – она была очень хорошей девочкой. Прилежной и думающей. Как ты знаешь, она находилась на домашнем обучении, но даже несмотря на это, имела много друзей. И не только среди скрипачей. У нее, конечно, случались трудные моменты, – Дженни отвела глаза в сторону, будто припомнив, что это были за моменты, – но у кого их не было?

– Вы думаете, она убила Дэвиса из-за письма, которое он отправил в Джуллиард?

– Нет, конечно, нет! Полагаю, пистолет отца оказался у нее совершенно случайно. Не знаю, может быть, она хотела показать его Дэвису. А может...

– Показать? Но это какой-то бред. Пистолет что, просто так где-то валялся? Все выглядит действительно так, будто она его застрелила умышленно, потому что ее разозлило письмо. – Образ идеальной сестры, который я себе нафантазировала, стремительно испарялся. Мне казалось, я снова ее теряю.

– Фрэнк, как всегда, винил себя, – понурилась Дженни. – Пистолет он держал в своем кабинете – это было его служебное оружие. Как он попал в руки к Лизе, неизвестно. Все произошло в их доме, в Виргинии. Может быть, она и правда достала его, собираясь угрожать Стиву? Я не знаю. Возможно, она в самом деле слегка потеряла голову, когда узнала о письме, и хотела, чтобы он все исправил. По крайней мере, я себе это именно так представляла – что она действительно ему угрожала. А когда у них завязалась потасовка, пистолет случайно выстрелил. Но я не знаю в точности, как все было. И никто не знает. Я только могу сказать, что все это было ужасно. Твоя мать так и не оправилась после этого всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.